
П.С. Стефанович

«СКАЗАНИЕ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ» ИЛИ ORIGO GENTIS RUSSORUM?

«Сказание о призвании варягов» (далее — Сказание) — текст, который выделяют в разных летописях и который в том или ином виде содержит рассказ о том, как некоторые народы («племена»), обитавшие на севере Восточной Европы, пригласили в качестве правителей трех варягов Рюрика, Синеуса и Трувора. Значение этого относительно небольшого текста для исторического самосознания народов России, Украины и Белоруссии трудно переоценить. Ему принадлежит одно из центральных мест в исторических построениях и представлениях о зарождении Древнерусского государства.

Вместе с тем Сказание является и одним из самых спорных текстов в историографии, посвященной истории Руси. В литературе обсуждались самые разные аспекты истории этого произведения и исторической информации, в нем заключенной, но едва ли можно найти хотя бы один, даже самый незначительный вопрос, в трактовке которого в науке достигнуто единство. Одна из дискуссионных, но в то же время важнейших проблем — текстологическая: на какой собственно текст мы опираемся, пытаясь реконструировать историческую реальность, которая стояла за описанными в нем событиями? В летописях обнаруживаются существенные расхождения, а ученые не могут предложить последовательного, всестороннего и однозначного объяснения этих расхождений и решить, какое чтение в том или ином случае надо считать первоначальным и/или достоверным.

Обычно историки опираются на текст, представленный в списках «Повести временных лет», главными и древнейшими из которых являются списки Лаврентьевской и Ипатьевской летописей (далее — Лавр и Ипат). Однако уже давно выяснено, что этот текст не является первичным и имеет явные следы редактуры, а кроме того, в редакциях самой

ПВЛ существуют разночтения. Наибольший вклад в разъяснение неоднородности и непервоначальности Сказания по ПВЛ внес А.А. Шахматов, который убедительно обосновал идею, что ПВЛ предшествовал другой летописный свод, отразившийся в Новгородской Первой летописи младшего извода (далее — НПЛ мл.) и условно названный им «Начальным сводом» (далее — НСв). Редакции ПВЛ были составлены во втором десятилетии XII в., а Начальный свод был создан в середине 90-х гг. XI в. Эта идея хотя и получила признание в науке, однако в силу ряда причин не заставила исследователей полностью отказаться от текста ПВЛ как вторичного и опираться в их исторических построениях на НПЛ мл. Одной из этих причин был тот факт, что и текст НПЛ мл. обнаруживает непоследовательности и неясности. Как их объяснить — на этот вопрос в науке давались разные ответы. Сам А.А. Шахматов здесь не был вполне последователен, но в принципе он исходил из того, что летописному своду, который отразился в НПЛ мл. (т. е. НСв), предшествовали более ранние этапы летописания, а значит, текст, дошедший до нас, в каких-то частях восходит к более древним временам. Со времени публикации его работ в науке, в целом, утвердился взгляд, что в некоем первоначальном виде Сказание было написано существенно раньше НСв и ПВЛ, а текст НПЛ мл. следует воспринимать как итог уже некоторого развития летописания в течение XI в.

Настоящее исследование ставит целью рассмотреть текст Сказания по НПЛ мл., исходя из фундаментальной идеи Шахматова о НСв как своде первоначальном по отношению к ПВЛ. Сказание в НПЛ мл. помещено наряду с другими рассказами и отрывками в одну, сравнительно обширную статью 6362 г. Внутри этой годовой статьи НПЛ мл. Сказание находится совсем в другом контексте, нежели в ПВЛ. И этот контекст заставляет понимать Сказание несколько иначе, чем это традиционно делается на основе ПВЛ. Это понимание Сказания с опорой на его летописный контекст в НПЛ мл. обосновывается и подтверждается также сопоставлением Сказания и текстов, сопровождающих его в статье 6362 г., с рассказами, которые бытовали в историографии других народов раннесредневековой Европы (преимущественно германских, но также кельтских и славянских) и которые в науке объединяются обычно под условным «жанровым» названием *Origo gentis*. Целью этих рассказов было сообщение о происхождении (*origo*) того или иного народа (*gens*). Такую цель, очевидно, имел перед собой и автор первоначального Сказания, собираясь рассказывать об образовании государства Руси.

Исследование построено следующим образом. Вначале рассматриваются подробнее идеи Шахматова и их развитие в современных работах, затем дается сопоставление тех фрагментов текста НСв и ПВЛ, в которых содержится Сказание, и в заключение предлагается новое понимание Сказания в летописном контексте по НПЛ мл.

Принципиальным рубежом в истории изучения Сказания стали две работы А.А. Шахматова — статья «Сказание о призвании варягов» (1904 г.) и затем книга «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (особенно глава XIII) (1908 г.). Главной новацией в подходе А.А. Шахматова было признание того, что в НПЛ мл. отразился текст НСв, предшествующий ПВЛ и первоначальный по сравнению с ней. Такой взгляд заставлял смотреть на Сказание (впрочем, как и на все раннее летописание) в кардинально иной перспективе, нежели это делалось ранее. До А.А. Шахматова на вариант Сказания, представленный в НПЛ мл., практически не обращалось внимания, и историки основывали свои суждения об истоках Древнерусского государства именно и только на ПВЛ.

В ПВЛ Сказание изложено под 6370 (862) г. Ему предшествует сообщение 6367 (859) г. о власти «заморских» варягов над рядом народов («племен») на севере будущей России и власти хазар над народами на юге. Основными элементами Сказания по ПВЛ являются следующие сообщения: изгнание варягов этими северными народами, а затем призвание теми же народами-«племенами» других варягов во главе с Рюриком, Синеусом и Трувором, которые назывались русью; смерть Синеуса и Трувора и распространение единоличной власти Рюрика над определенной территорией; уход от Рюрика двух варягов «не племени его» Аскольда и Дира на юг и обоснование их в Киеве. Последний элемент текста — перемещение Аскольда и Дира — обычно рассматривался отдельно от рассказа о приходе Рюрика, зато к этому рассказу присоединяли предыдущее сообщение 6367 г. о властвовании варягов и хазар над «племенами» на севере и юге.

Ученые XVIII–XIX вв. обращали внимание на очевидные неясности, недоговоренности и противоречия в рассказе ПВЛ — например, несоответствие городов, в которых обосновались княжить Рюрик, Синеус и Трувор, перечислению «племен», их призвавших, а затем городам, которые Рюрик после смерти Синеуса и Трувора «раздая мужем своим», или непоследовательное именование «русью» то некой (не определенной точно) части варягов, то всей Русской земли с указанием, что новгородцы в то же время почему-то происходят от варягов. Замечены были также расхождения в отдельных, хотя и весь-

ма существенных по смыслу, чтением между списками ПВЛ по разным летописям. Из них самое известное — где сел Рюрик: по некоторым летописям в Ладоге, по другим — в Новгороде¹. Уже в 1874 г. Н.П. Ламбин, предпринимая одну из первых попыток реконструкции некоего первоначального текста «о происхождении Руси», который лежал в основе ПВЛ и включал Сказание, писал: «Что рассказ о начале Руси и хронология его не ладят между собою, что они написаны не за раз, не в одно время и не одним лицом, а разными, что годы поставлены после в рассказе уже написанном, готовом и вовсе не согласованном с годами, которые стоят сами по себе, особняком, и только затрудняют понимание смысла и связи, — все это очевидно для каждого»².

В попытках решить эти неясности ученые стали сопоставлять ПВЛ с другими данными летописей и нелетописными источниками и выдвинули самые разные догадки и теории уже в XVIII–XIX вв. Основными вопросами были происхождение варягов, руси (как народа) и Руси (как государства), хронология событий и суть отношений, в которые вступили призванные варяги и туземцы. Едва ли кто-то из серьезных ученых воспринимал все Сказание в целом как прямое отражение действительно случившихся событий, но по-разному решался вопрос, возможно ли и в какой мере найти в Сказании или в его деталях некое достоверное зерно или отдельные достоверные факты. Указания на предания и вымыслы позднейших летописцев стали общим местом уже в XVIII в. Высказывалось мнение о новгородском происхождении легенды, причем относительно позднего времени — вплоть до XIII в. Уже в XVIII в. был поставлен вопрос о литературных соответствиях в историографических традициях других народов, и были подобраны первые аналогии³.

А.А. Шахматов попытался преодолеть неясности и противоречия комплексным анализом летописи и реконструкцией первоначального текста, который должен был быть более ясным по сравнению с представленным в ПВЛ. Опорой для него стала, как уже говорилось,

¹См., например: *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М., 1989 (1-е издание: СПб., 1816). Т. I. С. 241–242; *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. [М., 1846]. Т. III. С. 87; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. I // *Соловьев С.М.* Сочинения. Книги I–XXIII. М., 1988 (1-е изд.: 1851 г.). Кн. I. С. 293–296.

²*Ламбин Н.П.* Источник летописного сказания о происхождении Руси // ЖМНП. 1873. Ч. CLXXIII, № 6. С. 240.

³Наиболее ясно и последовательно: *Шлёцер А.Л.* Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные. Перевел Д. Языков. СПб., 1809. Ч. I. С. 349 и след. (перевод с оригинального издания на немецком языке 1802 г.).

НПЛ мл., где Сказание изложено не только в существенно ином виде, нежели в ПВЛ, но и в совсем ином контексте. Сказание здесь помещено в статью 6362 г. Статья озаглавлена «Начало земли Русской», она начинает хронологическое повествование и содержит, кроме того, рассказы о Кие, Щеке и Хориве, первом походе руси на Константинополь, хазарской дани, завоевании Киева Игорем и Олегом и обосновании Игоря в Киеве. Сказание здесь помещено непосредственно после сообщения о приходе Аскольда и Дира в Киев (а не до того, как в ПВЛ) и перед рассказом о походе на Киев Игоря и Олега (в ПВЛ этот рассказ приведен в летописной статье, датированной 20 годами позже).

Насколько можно судить по прижизненным публикациям А.А. Шахматова и опубликованным после его смерти незаконченными работам, он продолжал размышлять над текстом Сказания и сопровождающими его летописными статьями до самой смерти. В чем-то его взгляды могли и меняться. Но, пусть и с некоторой долей упрощения, можно выделить две разные попытки ученого реконструировать первоначальный текст — в статье «Сказание» и в книге «Разыскания».

Статья начиналась с доказательства «непервоначальности» Сказания в варианте ПВЛ. Главным основанием для этого тезиса служили явно противоречивые высказывания ПВЛ о руси и варягах в Сказании и во вводной недатированной части («Введении»). Обращаясь к НПЛ мл., А.А. Шахматов находил там не только непосредственный источник текста ПВЛ, осложненного последующими правкой и вставками, но и указания на то, что также и в НПЛ мл. текст Сказания и сообщений, примыкающих к ней, не первоначален. Опираясь на свои предшествующие изыскания, А.А. Шахматов предлагал исходить из следующей схемы развития раннего летописания: «В Новгороде, по-видимому до 1043 г., был составлен рассказ о древних судьбах этого города в связи, конечно, с южными событиями, имевшими характер общерусский. В середине XI в., быть может, еще во времена Ярослава, этот рассказ вошел в соединение с южными сказаниями и преданиями и образовал вместе с ними Древнейший летописный свод, отличавшийся от последующих сводов, между прочим, отсутствием каких бы то ни было хронологических определений, по крайней мере, в древнейшей своей части. В конце XI в. в Выдубицком монастыре составлен был памятник, который называем Начальным Киевским сводом; в основание его положен предшествующий летописный свод, дополненный вставками, между прочим, хронографических статей и хронологических определений, заимство-

ванных из Палеи. Начальный Киевский свод был главным, основным источником ПВЛ»⁴.

В статье А.А. Шахматов также выделял две редакции ПВЛ, представленные Лавр и Ипат, отмечая различия между ними в тексте Сказания. Главное различие касалось местопребывания Рюрика после призвания. Ипат указывала Ладогу городом, где вокняжился Рюрик. В Лавр сообщение о местопребывании Рюрика явно механически пропущено, но в том, что там должен был быть указан Новгород, А.А. Шахматова убеждало наличие этого указания в НПЛ мл. «Ладожскую версию» Ипат он объяснял как правку редактора, который сам бывал в Ладоге и там познакомился с местными сказаниями о древности города. Таким образом, именно свидетельство НПЛ мл. давало возможность выбрать вариант Лавр как более древний по сравнению с вариантом Ипат⁵.

А.А. Шахматов предлагал реконструкцию Сказания в том виде, который оно имело в редакциях ПВЛ, отраженных в Лавр и в Ипат, а также реконструкцию Сказания по НСв и в «первоначальном виде», «т. е. том виде его, в котором оно вышло из-под пера новгородского книжника первой половины XI в.»⁶. Важно учитывать два обстоятельства при оценке этой реконструкции. Во-первых, А.А. Шахматов совсем не считал, что НПЛ мл. прямо отражает НСв. Напротив, его мнение было, что списки НПЛ мл. донесли до нас текст НСв после контаминации со сводом, близким по составу Новгородской 4-й летописи, — «сводом 1448 г.» (т. е. сводом, который позднее получил в науке название «Новгородско-Софийский»). А этот свод, составление которого относится к первой половине XV в., имел обширные заимствования из ПВЛ. Таким образом, свою задачу А.А. Шахматов видел в том, чтобы освободить текст НПЛ мл. от позднейшего (опосредованного) влияния чтений и сведений ПВЛ. Во-вторых, тесно связанным со Сказанием ученый считал сообщение о водворении князя Игоря в Киеве после убийства Аскольда и Дира, где снова говорилось о прозвании населения под властью князя «русью». Сопоставление двух упоминаний о прозвании русью давало материал для суждений о смысле и логике первоначального текста, а указание сообщения об установленной Игорем дани в 300 гривен оказывалось важно для А.А. Шахматова хронологическими отсылками.

⁴ Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003 (1-е изд.: 1904 г.). Т. I, кн. 2. С. 199.

⁵ Там же. С. 189, 200.

⁶ Там же. С. 207–209.

На протяжении текста Сказания к влиянию Новгородской 4-й летописи (= «Новгородско-Софийского свода») на НПЛ мл. А.А. Шахматов относил два элемента. Во-первых, вставку упоминания чуди среди племен, которые «призвали» варягов «володеть и княжить». Во-вторых, переделку исходных слов НСв «и от тех варяг, находник тех, прозвашася словене варягы» во фразу: «и от тех варяг, находник тех, прозвашася русь, и от тех словет Руская земля» (в «первоначальном виде» Сказания, по А.А. Шахматову, этих слов вообще не было). Эти два элемента объяснялись тем, что в этих местах сводчик «Новгородско-Софийского свода» следовал ПВЛ. В ПВЛ чудь попала вследствие соображений, которыми сводчик согласовывал данные Сказания с данными «космографического» «Введения» ПВЛ: по ареалам расселения, указанным в «Введении», логичнее было представить среди «призывающих племен» не мерю, а именно чудь (ср.: «чудь, иже преседят к морю Варяжскому»). И именно составителю ПВЛ было свойственно «норманистское» понимание руси как варяжского (скандинавского) народа, которое он проявил и во «Введении», и в правке Сказания⁷.

Вставки киевлян в «первоначальное» новгородское Сказание А.А. Шахматов определял следующим образом. Вначале «въ времена же Кья и Щека и Хорива» — это «переходная фраза», которая связывала Сказание с предшествующим киевским рассказом. Слова «новгородьстии людие» здесь тоже вторичны, потому что далее упоминание новгородцев содержится во вставке. Эта вставка объяснялась тем, что «киевлянин не всегда мог различить словен и варягов в княжеских дружинах, двигавшихся с севера», — поэтому он и выдвинул теорию происхождения словен от варягов. Эту теорию киевский сводчик развил и в сообщении об обосновании Игоря в Киеве, вставив слова «и оттоле [прочии] прозвашася русию»⁸. Наконец, слова «кождо своимь родьмь владеаше» А.А. Шахматов считал противоречащими указанию выше на «волость» и приписывал той же руке, которая в самом начале статьи 6362 г. НПЛ мл. писала «живяху кождо с родом своим».

Эти соображения о сложносоставном характере летописного текста ясно показывают, что уже в этой статье у автора видны вполне определившимися и общая оценка эволюции начального летописания, и методы анализа и «расслоения» текста по пластам древних сводов. В «Разысканиях» разработка этих методов лишь получила несколько

⁷ Там же. С. 226–228.

⁸ Слово «прочии» присутствует только в одном из списков НПЛ мл. (Комиссионном), и А.А. Шахматов считал, что оно было вставлено только на этапе ПВЛ.

иное направление, но надо иметь в виду, что совсем не обязательно — более правильное.

Сильной стороной предложений А.А. Шахматова для реконструкции истории текста Сказания является сравнение ПВЛ и НПЛ мл. и признание непервоначальности текста самой НПЛ мл. — это означало, что НСв предшествовали другие летописи. Среди слабых, с точки зрения текстологии и композиции, сторон отмечу две. Во-первых, в восстановлении летописного рассказа, предшествовавшего НСв, ученому приходится прибегать к чисто гипотетической реконструкции без опоры на сохранившийся текст. Это относится, прежде всего, к предположению о словах, которые якобы должны были быть в НСв: «и от тех варяг, находник тех, прозвашася словене варягы». Во-вторых, относя указания о руси к творчеству составителя ПВЛ, который руководствовался «преданием о варяжском происхождении имени „русь“», А.А. Шахматов получил в итоге «первоначальное Сказание», лишенное вообще всяких упоминаний этого имени. В результате мы остаемся в полном недоумении: летописное повествование, объединенное в НСв в статью 6362 г., говорило о варягах, словенах и прочих народах, но почему-то так и не сказало, сообщив уже даже и об утверждении Игоря в Киеве, о том, что ожидается как одна из главных его тем, — происхождение руси.

С учетом предложенной реконструкции рассказа о призвании варягов А.А. Шахматов дает к нему краткий исторический комментарий⁹. По его мнению, в основе «первоначального Сказания», записанного в Новгороде, лежало «народное предание, а также некоторые сказания, а быть может, и исторические песни. Трудно было составителю записи помирить в одном согласном целом все то, что сохранилось в народной памяти и появилось в народной фантазии. Пришлось прибегнуть к сочинительству, к произвольной группировке лиц и событий». Отмечая черты легенды и вымысла (эпическая троика братьев, пришедших на княжения, само «призвание», ориентированное на реалии XI в., и т. д.), А.А. Шахматов, тем не менее, видел в Сказании и отражение достоверных исторических событий. Он полагал, что приглашение варягов было совместной акцией трех племен словен, кривичей и мери (упоминание чуди он считал поздней вставкой) ввиду угрозы с юга, из Киева, где укреплялось государство, основанное ранее первой волной скандинавов, получивших прозвание «русь». Варяги появились на севере в этой ситуации «не в качестве даньщиков и насильников, а

⁹ Шахматов А.А. Сказание. С. 214–224.

в качестве наемной дружины, военной силы, призванной для защиты северных племен от южнорусского государства», и «доказательство» этому А.А. Шахматов видел в первую очередь в указании на «дань, наложенную в пользу варягов Игорем», — «эта дань была вначале просто выговоренною варягами платой». Покинув Новгород, отправившись «второй скандинавской волной» на юг и закрепившись там, варяги сохраняют за собой и обязанность блюсти безопасность пригласивших их племен, и эту «вначале выговоренную плату».

В «Разысканиях» А.А. Шахматов меняет и оценку Сказания вместе с окружающим его летописным контекстом, и историческую интерпретацию. Основные идеи у него, впрочем, остаются прежние. Применительно к текстологии: ПВЛ — это более поздняя переработка НСв; относительно истории: государственность на юге предшествует государственности на севере и вызывает там призвание варягов. Главной задачей этого труда было проследить развитие летописания до НСв и последовательно вычленив ряд предшествующих сводов. Схема летописания теперь представлялась А.А. Шахматову в другом виде. По сравнению со статьей «Сказание о призвании варягов» он внес существенные изменения в эту схему. Составление «Древнейшего Киевского свода» было теперь отнесено к 1039 г., и таким образом, он оказывался древнее «Новгородского свода 1050 г.». Независимо от новгородского свода ученый предполагал также возникновение еще одного киевского свода в 1073 г. Каждый из этих сводов существенно переработал «Древнейший Киевский». Соединение новгородской и киевской линий летописания произошло в НСв, который ученый датировал временем «около 1095 г.», и текст был снова сильно переработан. Места НСв и ПВЛ в этой схеме оставались прежними.

«Расслоение» текста, проведенное в «Разысканиях» с такой тщательностью, что в пору было бы говорить об «атомизации», привело А.А. Шахматова к созданию крайне сложной картины трансформации летописных рассказов об основании Киева, призвании варягов и деятельности Олега и Игоря. Поскольку ученый не имел текстов для сравнительного анализа летописания до НСв, но с другой стороны, предполагал, что сохранившиеся летописи, и особенно НПЛ мл., донесли до нас тексты после многократной переработки в течение XII–XV вв., эта картина не могла не получиться во многих звеньях гадательной и спорной.

А.А. Шахматов фактически отказался от подхода, примененного в статье «Сказание о призвании варягов», согласно которому для выявления первоначального текста Сказания достаточно было в сохра-

нившемся тексте НПЛ мл. лишь удалить вставки, только в одном-двух местах предположив правку/замену предшествующего текста. Теперь он буквально в каждой фразе видел именно переработку, часто двукратно многоступенчатую, и контаминацию. Это в полной мере относится к Сказанию и повествованию, служащему ему контекстом, и прекрасно видно в предложенных им реконструкциях «Новгородского свода 1050 г.» и «свода 1073 г.» (обе реконструкции помещены в приложениях к «Разысканиям»). Текст Сказания, известный по НПЛ мл., здесь разбит на две части, одна из которых возводится к «Древнейшему Киевскому своду» (начало о взятии дани варягами), а другая — к «Новгородскому своду 1050 г.» (рассказ о призвании). Части были объединены, по мнению А.А. Шахматова, только в НСв, причем они были не просто «подогнаны» друг к другу и отягощены вставками, но были и сами изменены. В примыкающих рассказах предполагаются многочисленные переработки первоначального текста «Древнейшего Киевского свода». Наиболее существенная из них и в то же время наименее обоснованная с точки зрения реально сохранившихся текстов — это якобы первенствующая роль Олега в захвате Киева после смерти Рюрика в первоначальном рассказе. Такую роль Олегу приписывает ПВЛ; в НПЛ мл. же, в которой, по мысли самого А.А. Шахматова, отразился более ранний НСв, главной фигурой выступает не Олег, а Игорь. По мнению исследователя, составитель ПВЛ, имея перед собой только текст НСв, в данном случае якобы ориентировался на «народные предания», рисовавшие Олега в качестве самостоятельного правителя. Предпочтение как в этом случае, так и в некоторых других, текста ПВЛ как более достоверного и/или первоначального и недоверие к НПЛ мл. оборачивается против самой главной и убедительной идеи ученого, что НПЛ мл. донесла более первоначальный текст, чем ПВЛ.

В то же время А.А. Шахматов еще сильнее развил другую мысль, высказанную в статье «Сказание о призвании варягов», — что в НПЛ мл. нельзя видеть непосредственного отражения НСв, а напротив, следует подозревать исправления и дополнения позднейших сводчиков (главным образом, новгородских) и влияние позднейших сводов, включивших в свой состав в том или ином виде ПВЛ. Именно такими исправлениями и влияниями А.А. Шахматов пытался, например, объяснить загадочные слова в конце Сказания: «и от тех варягъ, находникъ техъ, прозвашася русь, и от тех словет Руская земля, и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска». В результате он представлял эволюцию этих слов таким образом:

Древнейший Киевский свод:

И отъ техъ варягъ прозвашася новъгородьци варягы, прежде бо беша словене

Новгородский свод 1050 г.:

И отъ техъ варягъ, находникъ техъ, прозвашася варягы, и суть новъгородьстии людие до дньшняго дьне отъ рода варяжьска

НСв:

И отъ техъ варягъ, находникъ техъ, прозвашася варягы, и суть новъгородьстии людие до дньшняго дьне отъ рода варяжьска, прежде бо беша словене.

Достаточно сравнить эти варианты с сохранившимися текстами в НПЛ мл. и списках ПВЛ, чтобы увидеть, как сильно отличается от них предложенная реконструкция. Удивительнее всего даже не то, что А.А. Шахматов странным образом допускает невнятную тавтологию вариантов «Новгородского свода» и НСв («от варяг прозвашася варягы»), а то, насколько далеко в его реконструкции отстоит восстановленный вариант НСв от текста НПЛ мл., в котором НСв прежде всего и должен был бы отразиться. Для такой реконструкции А.А. Шахматову приходится прибегать к изоощренной, но едва ли оправданной схеме влияния ПВЛ на НПЛ мл. через ряд промежуточных звеньев (позднейших сводов)¹⁰.

Несмотря на многочисленные сомнения и претензии, которые вызывают реконструкции А.А. Шахматова с текстологической точки зрения, во многих отдельных случаях его наблюдения и выводы представляются меткими и вполне убедительными. Это относится, например, к выделению вставок фрагментов, восходящих к Хронике (Продолжателя) Георгия Амартола, вскрытию неоднородности рассказа о хазарской дани, наблюдению о несогласованностях в рассказе о походе Игоря и Олега на Киев (что выдает переработку некоего первоначального текста) и др. Особенно стоит отметить одну существенную поправку, которую внес А.А. Шахматов в реконструкцию древнейшей летописи по сравнению со статьей «Сказание о призвании варягов» и которая потом будет иметь большое значение в историографии.

В «Разысканиях» А.А. Шахматов изменил взгляд на происхождение слов «и оттоле прозвашася русию» в сообщении о том, как утвердился Игорь в Киеве после устранения Аскольда и Дира. Теперь он считал эти слова первоначальными и относил к «Древнейшему Киевскому своду». Он не признавал, что в исходном виде Сказания (и даже в НСв) о руси говорилось где-то до этого места, и именно в этих словах видел обозначение «начала земли Руской» — т. е. русью

¹⁰ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002 (1-е изд.: 1908). Т. I, кн. 1. С. 209–210.

прозвались именно южное (днепровское) население и государство. Такая текстологическая реконструкция придавала убедительность ранее высказанной идее о противостоянии «варяжского севера и русского юга». В сущности, только это противостояние и рассматривалась теперь А.А. Шахматовым в качестве достоверного ядра сведений, сообщаемых начальным летописанием. Все остальное ученый считал народными преданиями и «комбинациями» летописцев.

Оценивая труды А.А. Шахматова в целом, следует всегда помнить, что он сам свои реконструкции воспринимал далеко не как окончательные, а лишь как рабочую гипотезу. Результаты собственных исследований летописей он, конечно, учитывал, но они не служили ему единственным и даже основным аргументом для исторических заключений. Более того, А.А. Шахматов, как уже говорилось, допускал, что отдельные сведения или чтения и в НПЛ мл., и в списках ПВЛ, и в летописях, донесших «Новгородско-Софийский свод», могут восходить к древнейшим слоям летописного текста, а также что на каждом этапе, вплоть до ПВЛ, вносились сведения из устных преданий. Это позволяло предполагать не только в НПЛ мл., но и в ПВЛ отражение каких-то достоверных фактов. В итоге, в своих исторических построениях по истории IX–XI вв. А.А. Шахматов часто руководствовался далеко не только выделенным им текстом «Древнейшего Киевского свода», но и данными НПЛ мл. и ПВЛ (разумеется, отметая те, которые носили не просто вторичный, но и ошибочный характер), не говоря уж о других данных, в первую очередь лингвистических, которыми он активно пользовался, будучи сам лингвистом. Тем не менее во всех работах он твердо придерживался высказанной им идеи о «борьбе между варяжским севером и русским югом»¹¹.

Труды А.А. Шахматова в дальнейшем оказывали сильное влияние на отношение исследователей, занимавшихся историей Древней Руси, к Сказанию. Однако влияние это было неоднозначным, и разные его идеи воспринимались очень по-разному. В любом случае, под воздействием работ А.А. Шахматова, показавших сложную историю древнерусского летописания, в литературе все более усиливался скепсис в отношении сведений древнейших летописей. Если выяснялось, что сохранившиеся тексты — вторичные и далеко отстоят от некоего пер-

¹¹ См.: *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11.1). Пг., 1915. С. XXV и сл.; *Он же.* Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916. Ч. 1. С. 70–71; *Он же.* Древнейшие судьбы русского племени // *Шахматов А.А.* История русского языка: Избранные произведения. М., 2004. Кн. I. С. 57–58 (1-е изд.: 1919).

воначального текста, вид которого чрезвычайно трудно определить, то вставал закономерный вопрос, можно ли вообще доверять этим текстам. В легендарности рассказа о призвании варягов не сомневались и критики Шахматова (например, М.С. Грушевский¹²), и те, кто присоединился к его выводам — например, А.Е. Пресняков, А.Н. Насонов и Д.С. Лихачев. Большинство ученых восприняло также главный текстологический тезис А.А. Шахматова об отражении в НПЛ мл. НСв, который предшествовал ПВЛ. Вместе с тем, высказывалось много сомнений относительно всей схемы древнейшего летописания, предложенной А.А. Шахматовым, и особенно относительно существования некоего новгородского свода середины XI в.¹³

В советской историографии, написавшей на своих знаменах лозунг борьбы с «норманизмом», сведения Сказания, утверждавшего происхождение руси от варягов, расценивались как баснословные и ничтожные по их историческому значению. Задачей советской науки стало доказательство того, что племена, призвавшие варягов, уровнем развития были не ниже пришедших скандинавов и не были ничем им обязаны. Происхождение Древнерусского государства однозначно связывалось с Южной Русью и даже точнее — средним Поднепровьем, где, задолго до появления норманнов на Севере, сложилось среди славянских племен государство руси. Для поддержания этого тезиса использовались не только текстологические изыскания А.А. Шахматова, но и лингвистические исследования, предлагавшие те или иные альтернативы более или менее общепринятой со времен А.А. Куника и В. Томсена и наиболее вероятной этимологии слова «русь» от скандинавских

¹²М.С. Грушевский начал писать фундаментальную историю Украины, когда А.А. Шахматов только начал публиковать свои изыскания. 1-е издание 1-го тома «Истории Руси-Украины» появилось еще за 6 лет до выхода статьи «Сказание о призвании варягов» — в 1898 г. В 3-м издании М.С. Грушевский учитывает летописные исследования А.А. Шахматова, но категорически не приемлет его «норманизма» (т. е. признания, что русь — это изначально скандинавы) и, хотя и соглашается с идеей о начале летописания в Киеве в 1030–1040-е гг., совсем по-другому, нежели А.А. Шахматов, представляет себе развитие этого летописания до ПВЛ — см.: *Грушевський М.С.* История України-Руси. Київ, 1991. Т. I. Експурс I. С. 579–601 (репринт 3-го, исправленного и дополненного издания: Київ, 1913; 1-е: Львів, 1898). В совершенной легендарности рассказа о призвании варягов и других летописных рассказов до середины X в. он не сомневался ни в 1-м издании «Истории Руси-Украины», ни в последующих.

¹³Ср. такие сомнения: *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 22–46, 52–57; *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 89, примеч. 1; с. 93, 158–160. Ср. также: *Likhachev D.S.* The Legend of the Calling-in of the Varangians, and Political Purposes in Russian Chronicle-writing from the Second Half of the XIth to the Beginning of the XIIth Century // *Varangian Problems, Report on the First International Symposium on the Theme "The Eastern Connections of the Nordic Peoples in the Viking Period and Early Middle Ages,"* Moesgaard — University of Aarhus, 7th–11th October 1968 (Scando-Slavica. Supplementum I). Copenhagen, 1970. P. 176–181.

корней. На тезис работали также археологические исследования, которые демонстрировали относительно высокий уровень хозяйственного и демографического развития славянского населения южной Руси. Летописный рассказ о призвании варягов в советской историографии неизменно связывался с «норманнской проблемой», и в послевоенное время это делало практически невозможным объективное исследование как текста, так и исторических обстоятельств, стоящих за ним. Изложение приблизительно одних и тех же взглядов относительно Сказания, выдержанных в официальном русле «антинорманизма», с незначительными нюансами, находим в работах ряда советских авторов¹⁴.

Идеологизация проблемы привела к тому, что объективные серьезные исследования предпринимались уже не в СССР, а за его рубежами¹⁵. С другой стороны — признание основополагающих догм позволяло пренебрегать строгой методологией, особенно в сфере летописной текстологии. В исторических интерпретациях летописи у многих авторов мы видим произвольные и малообоснованные построения. Это характерно, прежде всего, для работ Б.А. Рыбакова, который проявлял критическое и недоверчивое отношение к Сказанию, зато поздним и явно недостоверным известиям про Бравлина, Гостомысла и Вадима оказывал полное доверие. Вместо применения текстологических аргументов Б.А. Рыбаков пускался в гадательные рассуждения о летописи Аскольда и Дира или летописи Остромира¹⁶.

Отсутствие строгих текстологических критериев и принципов наблюдаем у А.Г. Кузьмина, взгляды и приемы которого критиковались серьезными учеными¹⁷. В статье, специально посвященной Сказанию, А.Г. Кузьмин пришел к выводу, противоречащему всей логике шахматовской теории, что «первоначальным вариантом варяжской легенды является та запись, которая читается в Ипатьевской и Радзивилловской летописях», т. е. «ладожское предание»¹⁸. Ту же самую манеру «потре-

¹⁴См. обзор советской историографии: *Фроянов И.Я.* Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // ВИ. 1991. № 6. С. 4–7.

¹⁵Указать надо, прежде всего, на работу Х. Ловмянского: *Ловмянский Х.* Русь и норманны / Перевод М.Е. Бычковой; под ред. В.Т. Пашуто, В.Л. Янина, Е.А. Мельниковой. М., 1985 (перевод оригинального издания: *Lowmiański H.* Zagadnienie roli Normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa, 1957).

¹⁶Именно к «летописи Остромира» («новгородское боярское летописание») Б.А. Рыбаков относил происхождение Сказания, связывая его с новгородской «феодально-республиканской идеологией»: *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 199. Ср. также: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 296–315.

¹⁷Ср.: *Черепнин Л.В.* Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50–70-х годах // ИСССР. 1972. № 4. С. 48–49, 51–58; *Лихачев Д.С., Янин В.Л., Лурье Я.С.* Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей // ВИ. 1973. № 8. С. 194–203.

¹⁸*Кузьмин А.Г.* К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей

бительского отношения к источнику»¹⁹ легко заметить в небольшой статье О. Прицака — ученого из совсем другого «лагеря». Автор, сопоставляя три летописных варианта Сказания (НПЛ мл., ПВЛ по Лавр и Ипат), в каждом из них видит древние достоверные данные и, выбирая эти данные, восстанавливает некое первоначальное произведение. В итоге у него получается довольно своеобразная картина. В частности, по мнению О. Прицака, призвание исходило не от «племен»-народов, а от городов. Городами этими были Ладога (представлявшая, по его мнению, главным образом, чудь), Белоозеро (= весь) и Изборск (= словене)²⁰. Поверить в эту картину сложно просто потому, что нельзя принять авторскую методику подбора сведений, выглядящих с некоторой (априорно принятой) точки зрения *как будто бы вероятно*, из разных летописных текстов.

В западной историографии вплоть до самых последних работ господствует настороженно-недоверчивое отношение к идее о «южной» руси, независимой от скандинавского влияния и присутствия. Во всех работах, затрагивающих раннюю историю Древнерусского государства, подчеркивается скандинавский «след» в ранних известиях латинских, греческих и арабских источников о руси IX в. Правда, не решаясь следовать реконструкциям А.А. Шахматова (или сознательно отвергая их), на анализ летописи пока никто не решался. Зато большое значение придавалось и придается археологическим данным (разумеется, помимо лингвистической теории о скандинавском происхождении самого слова «русь»), которые свидетельствуют о проникновении скандинавов с Балтийского моря на Восточноевропейскую равнину с середины VIII в. (древнейшие слои Ладоги). Закономерным, хотя в чем-то и утрированным итогом этой тенденции стала работа английских историков С. Франклина и Дж. Шепарда. В части, посвященной древнейшей истории (написанной, в основном, Дж. Шепардом), авторы пытаются опереться вообще главным образом на археологию. Летописные данные приводятся только по ПВЛ, термин «Начальный свод» авторам неизвестен, а имя А.А. Шахматова упоминается в книге лишь однажды и вне проблем летописной текстологии. Во всем прочем, кро-

страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 53. Ср.: Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. Особенно гл. 5.

¹⁹Об этом отношении писал М.Д. Приселков: «...историк, не углубляясь в изучение летописных текстов, произвольно выбирает из летописных сводов разных эпох нужные ему записи, как бы из нарочно для него заготовленного фонда» (Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 36 (1-е изд.: 1940); ср. в «Предисловии» Я.С. Лурье к переизданию этой книги — с. 28–29).

²⁰Prisak O. The Invitation to the Varangians // HUS. 1977. Vol. I/1. P. 15–17.

ме факта обоснования скандинавской династии на севере, летописное Сказание признается легендарным²¹.

Русскоязычная наука последних двух-трех десятилетий, в основном, отошла от крайних оценок советской историографии. За Сказанием признается обычно историческая достоверность, и это признание сочетается, как правило, с признанием важной роли скандинавов в становлении Древнерусского государства²². Однако, в отличие от С. Франклина и Дж. Шепарда, наши авторы настаивают именно на призвании и даже договоре на определенных условиях. Даже если торговля и/или война определяются как ведущие факторы в государственном объединении, акцент делается на том, что в этой торговле и/или войне принимали участие все народы, обитавшие на территории Восточной Европы, а не только скандинавы.

Такой подход наиболее последовательно развит в работах Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина — написанных как каждым из авторов по отдельности, так и совместно. В оценке Сказания авторов объединяет идея, развитая ими первоначально в нескольких совместных публикациях, что текст Сказания по ПВЛ воспроизводит исторически достоверный «ряд», т. е. «соглашение представителей местной власти с группой скандинавов, поставленной этим соглашением в зависимость от местного общества». Подтверждения этой идеи авторы находят в самом сюжете призвания, в отдельных выражениях Сказания, которые отражают, по их мнению, «пласт славянской правовой терминологии, имеющей архаичные истоки (в обычном праве)», а также в некоторых исторических аналогиях²³.

Нетрудно заметить в этих суждениях возрождение старой теории

²¹ Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750–1200 / Перевод Д.М. Буланина и Н.Л. Лужецкой. СПб., 2000. С. 54–87, 151 и след. (1-е изд. на англ. языке: *Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus: 750–1200*. L.; N.Y., 1996). С. 54–87, 151 и след.

²² Ср., например: *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 103–135; *Горский А.А.* Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 37 и след.

²³ *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте ранне-средневековой дипломатии // ДГ. 1990 г. М., 1991. С. 229; *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 55. Ср., например: *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I (Древняя Русь). С. 102–121; *Мельникова Е.А.* Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях летописцев XI — начала XII в. // ДГ. 2005 год: Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008. С. 64–66. К работам Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина близка также статья Н.Н. Гринева, который считает, что «соглашение с княжеским родом» на древнешведском языке, записанное «младшими рунами» и хранившееся в «великокняжеском архиве», было занесено в летопись в 1060–70-е гг.: *Гривев Н.Н.* Легенда о призвании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 36–41.

договора между туземцами и иноземцами, которую развивали в середине XIX в. славянофилы (И.Д. Беляев и др.). Впрочем, теперь эта теория совершенно оторвалась от своей исходной славянофильской почвы. Напротив, указанные авторы придерживаются точки зрения о скандинавском происхождении имени «русь» и «военно-дружинной» концепции формирования древнерусского государства. Не останавливаясь сейчас на этой стороне их взглядов, отмечу их позицию по проблеме соотношения летописных вариантов Сказания и смежных с ней известий. Возражая, прежде всего, советской «официальной» историографической линии, Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин считают, что Сказание имеет не книжно-«искусственный» характер, а черты «устного предания», возникшего «во второй половине IX в.» и донесшего до летописи историческое «зерно истины». При этом В.Я. Петрухин пишет просто о «фольклорных истоках» (не уточняя, впрочем, что это вообще значит применительно к историко-культурной ситуации Древней Руси X–XI вв.), а Е.А. Мельникова возвращается к идее А. Стендер-Петерсена о некоем «варяжском предании»²⁴. В.Я. Петрухин относит запись Сказания к работе летописцев конца XI — начала XII в. (считая суждения о сводах XI в. «совершенно гипотетическими»), а Е.А. Мельникова полагает, что некая «героическая сага» под условным названием «Деяния Рюрика» (содержавшая сюжет «призвания» и условия «ряда») была записана в киевский свод конца 1030-х гг.²⁵ Тем самым Е.А. Мельникова обнаруживает большую готовность принять шахматовскую схему летописания, и это придает ее логике больше убедительности, потому что трудно допустить, что предание с изложением «ряда» второй половины IX в. дожило до летописи конца XI — начала XII в. В то же время и в ее собственных работах, и в совместных с В.Я. Петрухиным конкретные текстологические наблюдения А.А. Шахматова воспринимаются скорее критически. Так, например, в Сказании оба автора первоначальными считают упоминания руси, которые А.А. Шахматов относил к добавлениям «норманистски» настроенного составителя ПВЛ (а Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухину они как раз важны как прямое свидетельство скандинавского происхождения руси), а также доверяют отсутствующему в НПЛ мл. списку городов, розданных Рюриком своим «мужам». В рассказе о захвате Киева Игорем с Олегом историки тоже склонны усматривать большую достоверность ПВЛ и т. д.

²⁴ См.: Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. København, 1934 (Acta Jutlandica VI, Aarsskrift for Aarhus universitet; VI). S. 52–75.

²⁵ Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 104–111; Мельникова Е.А. Рюрик. С. 60–75.

В.Я. Петрухин, теоретически вроде бы признавая существование «некоего Начального свода», вообще сомневается в текстологической возможности его выявления. Свои исторические построения автор основывает на ПВЛ либо, если вообще обращает внимание на альтернативные сведения и чтения НПЛ мл., рассматривает обе летописные традиции как равноправные. В ряде работ В.Я. Петрухин, критикуя А.А. Шахматова, пытается доказать старый тезис, что «Предисловие» к НСв было создано в Новгороде в начале XIII в., а вся начальная часть НПЛ мл., по его мнению, несет сильный отпечаток «переделок» новгородских летописцев XII–XV вв.²⁶ Любопытно (хотя и в высшей степени поучительно), что, отказывая в древности «Предисловию» и признавая в конце концов как лучше всего сохранившийся вариант Сказания по ПВЛ в «Ипатьевской» («ладожской») версии, В.Я. Петрухин неожиданным образом сходится с А.Г. Кузьминым, с которым в общей оценке роли норманнов кардинально расходится. Само собой разумеется, что той «южной руси», о которой писал А.А. Шахматов, в истории Древней Руси, написанной В.Я. Петрухиным, места не находится. Из современных авторов подход В.Я. Петрухина в оценке Сказания близок более всего А.Н. Кирпичникову, который принимает мысль о первичности варианта Ипат и идею о первоначальном «ряде» между призванным конунгом и местным населением²⁷.

Особняком стоят работы И.Я. Фроянова, который решительно возражает против возможности некоего договора и подчеркивает архаичность социальных отношений эпохи, которую описывало Сказание. По его мнению, был не договор, а силовой захват власти конунгом, приглашенным для ведения войны, с устранением «старейшин» во главе с «князем словен» Вадимом, о котором повествует Никоновская летопись. Смысл призвания как договора народа и правителя Сказание получило только в конце XI в. в условиях подъема «общин» Киева и Новгорода. Тогда оно было сильно исправлено и дополнено. Первоначальное же Сказание (которое содержало сведения о Вадиме и пр.) И.Я. Фроянов, следуя Б.А. Рыбакову, относит к новгородскому своду середины XI в.²⁸ Работы И.Я. Фроянова, хотя и содержат иногда удач-

²⁶ *Петрухин В.Я.* Древняя Русь. С. 69 и сл., 102 и сл. Ср. также, например: *Петрухин В.Я.* Как начиналась Начальная летопись? // ТОДРЛ. Т. 57. 2006. С. 33–41.

²⁷ Впрочем, автор идет дальше, используя также данные Никоновской летописи и Татищева («Иоакимовской летописи»): *Кирпичников А.Н.* «Сказание о призвании варягов». Легенда и действительность // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 22–23 декабря 1996 г. Мат-лы к чтению. СПб., 1996.

²⁸ *Фроянов И.Я.* Мязежний Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 75–106.

ную критику советской историографии и интересные соображения, в целом малоубедительны не только и даже не столько из-за своеобразной концепции историка об общинном устройстве древнерусского общества. В конце концов, согласиться придется с любой самой неожиданной и нетрадиционной теорией, если она подтверждается данными источников, выверенными и согласованными между собой. Но в tomto и проблема, что, как и в работах некоторых других историков (и особенно археологов), у И.Я. Фроянова мы сталкиваемся с принципиальными недостатками в методике анализа источников и прежде всего летописей. Осознание всей сложности истории летописания ведет этих авторов не к углубленному текстологическому анализу, а позволяет им произвольно «выдергивать» подходящие к авторской концепции сведения из источников самых *разных*, но *равнозначных* в их глазах — от НПЛ до В.Н. Татищева.

Большое значение для данной работы имеет цикл статей А.А. Гиппиуса, посвященных начальному летописанию. За исключением одной статьи, посвященной обоснованию принадлежности «ладожской версии» Сказания «3-й редакции» ПВЛ²⁹, текст Сказания он прямо не затрагивает, однако его соображения о сложном составе ПВЛ и НСв с точки зрения развиваемой им методики «лингвотекстологической стратификации» летописи имеют то или иное отношение и к предмету данной работы.

Одна из последних статей А.А. Гиппиуса выросла отчасти из полемики с В.Я. Петрухиным по поводу «Предисловия» к НСв. А.А. Гиппиус, развивая тезис А.А. Шахматова, находит новые аргументы в пользу отнесения этого текста к НСв 1090-х гг.³⁰ Главная же идея этой статьи состоит в том, что «Предисловие» к НСв заменило «космографическое» (развивающее библейский сюжет «расселения народов») введение к своду 1070-х гг. (А.А. Гиппиус придерживается датировки 1072 г.), которое потом вошло в состав «Введения» ПВЛ. «Предисловие» к НСв, по мнению ученого, было «ориентировано на модели византийской хронографии и апокалиптики» и делало акцент не на происхождении и расселении народов, а на «начале земли Руской».

²⁹ Гиппиус А.А. Новгород и Ладога в Повести временных лет // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрика Городища и Новгородской археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. Мат-лы междунар. науч. конф. 4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия. СПб., 2007. С. 213–220.

³⁰ Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В.М. Живова. М., 2006, особенно с. 81–92. Ср. также: Гиппиус А.А. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // РЯНО. 2010. № 2 (20). С. 143–199.

Вне зависимости от решения проблемы введения к «Начальной летописи», статья А.А. Гиппиуса важна тем, что новыми аргументами подтверждаются важные элементы шахматовской схемы: во-первых, отражение в НПЛ мл. НСв и, во-вторых, неоднородность НСв, которая заставляет предполагать этапы летописания, предшествовавшие ему³¹. Вместе с тем Гиппиус существенно корректирует схему А.А. Шахматова. С одной стороны, он по-другому определяет этапы летописания до НСв. Этому последнему, по его мнению, предшествуют только «Древнейший свод» конца X — начала XI в. и свод 1072 г. (таким образом, новгородскому своду середины XI в. автор места не находит)³². В этом пункте схема упрощается. Однако, с другой стороны, она у А.А. Гиппиуса и усложняется, т. к. он находит контаминацию разных летописных источников не только на этапе НСв (как у А.А. Шахматова), но и на этапе ПВЛ. Именно к этому ведет его гипотеза, что космографическое введение, читаемое ныне в ПВЛ, было взято составителем ПВЛ из «свода 1072 г.»³³. К этой интересной, но спорной мысли нам еще придется вернуться.

В схеме развития древнейшего летописания, предложенной А.А. Шахматовым, наиболее подробно и тщательно разработана была им часть, касающаяся трансформации текста от НСв к ПВЛ и далее от 1-й ее редакции до 3-й. В этой разработке ученый исходил из мысли, что текст ПВЛ в начальной части (до статьи 6523 г.) основан на НСв и вторичен по отношению к нему. Однако последовательный анализ этого текста, проведенный А.А. Шахматовым в «Разысканиях», показал, насколько неоднозначными могут быть оценки отдельных летописных статей, сообщений или чтений. Этот анализ выявил

³¹Об этом же идет речь в более ранней статье: *Гиппиус А.А.* Рекоша дружина Игореви... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *RL*. 2001. Vol. 25, N 2. С. 147–181.

³²К некоторым уточнениям методики «лингвистической стратификации» текста и определения этапов летописания А.А. Гиппиуса побудила критика со стороны О.Б. Страховой (*Страхова О.Б.* Рекоша дружина Игореви... К статье А.А. Гиппиуса о лингвотекстологической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica*. 2008. Vol. XVI, N 2. С. 217–258). В ответе О.Б. Страховой А.А. Гиппиус подтвердил схему летописания, предложенную в статьях 2001 и 2006 гг., лишь переименовав «Древнейший свод» в «Древнейшее Сказание» или «Сказание о русских князьях», которое заканчивалось крещением Владимира (*Гиппиус А.А.* Рекоша дружина Игореви... — 3. Ответ О.Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica*. 2009. Vol. XVII, N 2. С. 262–273).

³³Мысль, что практически на каждом этапе развития «Начальной летописи» сводчики могли обращаться не только к летописи непосредственно предшествующего этапа, но и другим, более древним (т. е. о контаминации на каждом этапе), А.А. Гиппиус высказывает также в тезисах, посвященных летописным рассказам о крещении Руси: *Гиппиус А.А.* Крещение Руси в Повести временных лет: К стратификации текста // *ДР*. 2008. № 3. С. 20–23.

главную проблему: можно ли видеть в НПЛ мл. непосредственное отражение НСв или же текст в этой летописи испорчен позднейшими добавлениями и исправлениями (и даже испорчен безнадежно, как утверждают некоторые ученые)? Ведь даже если в целом признавать первичность НСв по НПЛ мл. перед ПВЛ, в тех или иных отдельных деталях и местах можно выразить сомнение, где лучше отразился более ранний и первоначальный текст — в ПВЛ или НПЛ мл. Почву для этих сомнений подготовил сам А.А. Шахматов, который в «Разысканиях» для восстановления и свода 1070-х гг., и более ранних прибегал не только к отдельным чтениям, но и к целым эпизодам и отрезкам текста как из ПВЛ, так и из НПЛ мл.

Впервые после А.А. Шахматова сравнение ПВЛ и НПЛ мл. в части до 1015 г. произвел О.В. Творогов³⁴. Его обзор, затрагивая, между прочим, Сказание и «сопутствующие» ему тексты, подтвердил в принципе шахматовскую гипотезу о НСв, однако он касался преимущественно текстологических вопросов и особенно проблемы отражения хронографических источников в НСв и ПВЛ. Основной своей задачей Творогов считал демонстрацию на тех или иных «сопоставимых фрагментах», что соответствующий текст НПЛ мл. не мог быть составлен как правка (сокращение) ПВЛ. Этим он и ограничивался и не задавался, например, вопросом, на какой именно текст опирался составитель ПВЛ, и тем более не пытался решить указанную проблему испорченности/сохранности НПЛ мл. или выявить внутреннюю логику текста НПЛ мл. (= НСв). Показательно, что О.В. Творогов в сравнении летописей вообще отталкивается от текста ПВЛ, а не НПЛ мл. К тому или иному отрывку ПВЛ он подбирал соответствующий фрагмент НПЛ мл., а не наоборот; поэтому часть сведений НПЛ мл., отсутствующих в ПВЛ, вообще осталась за рамками его исследования. Ученого интересовал собственно текст ПВЛ, а не НПЛ мл.

Отчасти продолжая работу О.В. Творогова, отчасти имея в виду высказывания современных историков, которые в тех или иных конкретных случаях отдают предпочтение ПВЛ перед НПЛ мл., я ставлю задачу доказать, что составитель ПВЛ опирался именно на тот текст, который представлен в НПЛ мл. в статье 6362 г., и показать методы, которыми он пользовался при переработке этого текста. Среди этих

³⁴Творогов О.В. Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Т. XXX: Историческое повествование Древней Руси. С. 3–26. В другом ракурсе, на меньшем объеме текста и не строго текстологически такого рода сравнение присутствует также в недавней работе: Шайкин А.А. Олег и Игорь в Новгородской первой летописи и «Повести временных лет» // ТОДРЛ. 2008. Т. LVIII. С. 607–626.

методов выявляется очевидное историческое конструирование, поэтому мне приходится уделять внимание большее, чем до сих пор делалось, фактическим сведениям ПВЛ, дополнительным по сравнению с НСв. Обзор соотношения текста, который вошел в статью 6362 г. НПЛ мл., по этой летописи и по спискам ПВЛ, предлагается с уточнением уже высказанных в историографии соображений и разбором аргументов современных критиков А.А. Шахматова.

Все рассказы и сообщения, из которых состоит летописная статья НПЛ мл. 6362 г., озаглавленная «Начало земли Руской», в ПВЛ распределены между недатированным «Введением» ПВЛ (рассказы об основании Киева полянами и о хазарской дани) и первыми статьями 6360–6390 гг.: от «начала прозывания» Русской земли при императоре Михаиле до захвата Киева Олегом (остальные известия). Оставим в стороне «Введение», в котором использованы особые источники и которое, возможно (если принять гипотезу А.А. Гиппиуса о «двух летописных началах»), частично восходит к некоему предисловию свода, предшествовавшего Начальному (1070-х гг.). В статьях же 6360–6390 гг., как увидим, нет никаких фактических сведений, которые убедительно объяснялись бы как остаток некоей предшествующей летописи помимо НСв, сохраненного НПЛ мл. Все поправки и добавления, которые здесь есть по сравнению с текстом в НПЛ мл., можно ясно, просто и непротиворечиво объяснить как результат привлечения составителем ПВЛ новых нелетописных источников, на которые он сам и ссылается, — Хроники (Продолжателя) Георгия Амартола и русско-византийских договоров, а также как плод некоторых его собственных догадок и соображений.

«Логичку преобразований», по которой составитель ПВЛ «раскидал» куски текста статьи 6362 г. НСв согласно новым замыслу и хронологии обновленной им летописи, удачно выразил А.А. Гиппиус: «Заимствовав из Начального свода идею отчета исторического существования Русской земли от воцарения Михаила III, составитель ПВЛ вычислил правильную, как ему казалось (в действительности же — опять [как и в НСв. — *Л.С.*] ошибочную), дату начала этого царствования — 6360 г., под которой и поместил составленную им хронологическую статью. Поход руси на Царьград, имевший место, согласно его источнику, „в 14-е лето Михаила цесаря“, он отнес к 6374 г., сделал его предводителями Аскольда и Дира, а их самих — боярами Рюрика. Вследствие этих текстуальных перемещений рассказы об основании Киева и хазарской дани, в Начальном своде условно синхронизированные с походом руси, лишились этого хронологического репера, отой-

дя в недатированную часть нового свода»³⁵. Как в хронологических расчетах, так и в сообщениях о походе руси на Царьград и крещении болгар ПВЛ опирается на Хронику (Продолжателя) Георгия Амартола, переводные хронографы, а также, вероятно, «Сказание о преложении книг на славянский язык»³⁶.

Автор ПВЛ сделал Аскольда и Дира боярами Рюрика, очевидно, развивая мотив восхваления династии Рюрика, свойственный начальному летописанию, — только если в НСв они были самочинно воняжившимися в Киеве, но все-таки независимыми варягами, то в ПВЛ для вящего оправдания их последующего устранения они были поставлены (с понижением статуса) в зависимость от Рюрика. Из-за этого пришлось переделать и относительную хронологию событий: в НСв приход Аскольда и Дира в Киев предшествовал «призванию» варягов в Новгород, а в ПВЛ они, бояре Рюрика, появляются в Киеве уже после обоснования Рюрика на севере. В этом случае само «призвание» должно было случиться до похода Аскольда и Дира на Царьград.

Привязка «призвания» именно к 6370 (862) г. была результатом самых приблизительных прикидок составителя ПВЛ. Вычислив дату похода Аскольда и Дира (6374 г.), он, видимо, просто положил три года на то, чтобы им обустроиться в Киеве и «совокупить многих варяг», а на четвертый год они уже могли, по его представлениям, отправиться на завоевания. Выходило также, что между «началом прозывания» Русской земли и «призванием варягов» прошло ровно 10 лет (6360 vs. 6370). Приблизительно таким же образом получилась датировка статьи о взимании дани варягами с северных народов, а ха-

³⁵ *Гунпиус А.А.* Два начала. С. 85.

³⁶ *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания // *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. I, кн. 1. С. 595 и след.; ПВЛ. С. 395–396, 405–406, 411–414, 594, 598. Нет окончательной ясности в том, какими хронографическими источниками пользовался летописец (например, неизвестно, где говорилось о походе руси именно «в 14 лето Михаила цесаря»), но сам факт, что он опирался именно на такого рода источники, не подлежит сомнению. В науке со времен дискуссий А.А. Шахматова и В.М. Истрина существуют разногласия и по вопросу о том, как использовалась в начальном летописании Хроника (Продолжателя) Георгия Амартола. Работы О.В. Творогова и Т.В. Анисимовой склоняют скорее к точки зрения, что автор НСв имел доступ к Хронике только через особую хронографическую компиляцию (по В.М. Истрину: «Хронограф по великому изложению»), а полный текст Хроники был использован позднее в ПВЛ: *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 46 и след.; *Анисимова Т.В.* Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. М., 2009. С. 258–266. Возражения Т.Л. Вилкул мне не представляются убедительными (см.: *Вилкул Т.Л.* Повесть временных лет и Хронограф // *Palaeoslavica*. 2007. Vol. XV, N 2. С. 56–116), и я придерживаюсь далее этой точки зрения, не вдаваясь, впрочем, в детальное ее обсуждение.

зарами — с южных: статья датирована просто тремя годами раньше «призвания» (6367 г.).

Не менее условны даты смерти Рюрика и захвата Киева Олегом — 6387 (879) и 6390 (882) гг. По остроумной догадке А.А. Шахматова, датировка первого из двух этих событий объясняется просто тем, что летописец положил на правления Игоря и Олега по 33 «эпических» года³⁷. Эта догадка выглядит вполне вероятной в свете подобных указаний писателей раннесредневековой Европы о годах жизни или правления древних князей или королей. Так, например, в «Легенде Кристиана» сообщается о годах жизни первых чешских князей: Борживой якобы жил 35 лет, Спитигнев — 40, а Вратислав — 33³⁸. Разумеется, эти числа, приведенные писателем конца X в., лишь очень приблизительно соответствуют реальной хронологии чешской истории конца IX — начала X в.

По А.А. Шахматову, составитель ПВЛ отталкивался от казавшейся ему достоверной (и в самом деле близкой действительности) даты смерти Игоря (6453 [945] г.), которую он нашел в НСв³⁹, и получалось, что принятый им расчет по 33 года на одного правителя подходит к уже известным ему датам похода Аскольда и Дира и русско-византийского договора, заключенного от имени Олега (6420 [912] г.). Более того, приурочивая вокняжение Игоря к концу 6420 — началу 6421 г. (6453 минус 33), летописец получал еще и совпадение с началом правления византийского императора Константина, о дате восшествия которого на престол (6421 г.) он узнал из Хроники Амартола⁴⁰. Таким образом, русская и византийская истории продолжали удачно «синхронизироваться», как это и было намечено в первой статье 6360 г. 6453 минус дважды по 33 получается 6387. Захват Киева датирован снова просто прибавкой трех лет — получилось 6390 г. (ср.: «начало прозывания»

³⁷ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода. С. XXXIII. Ср. в ПВЛ под 6420 г. в конце рассказа о смерти Олега специальное замечание: «и бысть всех лет княжения его 33».

³⁸ *Legenda Christiani / Kristiánova Legenda. Život a umučení svatého Václava a jeho báby svaté Ludmily / K vydání připravil, přeložil a poznámkami opatřil J. Ludvíkovský. Praha, 1978. S. 26, 28.*

³⁹ В действительности Игорь погиб, видимо, не в 945 г., а в 946 или 947 г. А.В. Назаренко, опираясь на анализ произведений Константина Багрянородного, считает, что Игорь погиб не ранее Пасхи 946 г., а значит, если учитывать, что его несчастный поход «в дань» к древлянам состоялся осенью, не ранее осени этого года: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 261–263. Ср., впрочем, возражения А.Ю. Карпова: Карпов А.Ю. Книгиня Ольга. М., 2009 (Сер. «Жизнь замечательных людей»). С. 296–297.

⁴⁰ Не исключено, что это обстоятельство было первично в расчетах составителя ПВЛ. Привязав начало правления Игоря к началу правления Константина, летописец получил 33 года, а затем уже, обратив внимание на эту «красивую» цифру, применил ее для «положения числа» лет правления Олега. Сути дела это не меняет.

Русской земли — 6360 г., а «призвание» — 6370 г.; таким образом получился шаг, кратный десяти). Поход Аскольда и Дира пришелся за 16 лет до прихода Олега в Киев (6374 vs. 6390), а начало правления Рюрика — за 17 лет до его смерти (6370 vs. 6387). Вышло тоже неплохо: как раз половина тридцатитрехлетнего срока (16 или 17 лет).

Вот и весь нехитрый расчет. За ним стоит хронология событий, полученная составителем ПВЛ из НСв (в основном условная, т. е. по последовательности событий, и только применительно к смерти Игоря — точная) и из переводных греческих хроник, дата договора Олега с греками и вполне прозрачная «историческая реконструкция» самого летописца⁴¹. И нет никакой нужды прибегать для объяснения древнейших датировок ПВЛ к хронологии поздних летописей (явно вторичной), к допущениям (чисто гипотетическим) о счете летописи разными эрами и т. п.⁴²

Обратимся к самим летописным сообщениям.

Рассказы об основании Киева и о хазарской дани переданы в ПВЛ (во «Введении») без существенных отличий от НПЛ мл. Есть небольшое сокращение в рассказе об основании Киева (о нем специально см. ниже) и только мелкие разночтения, которые ничего не могут сказать о первичности или вторичности рассказов в целом.

Явно искусственного происхождения не только датировка статьи ПВЛ 6367 г., но и ее содержание⁴³. Первая ее фраза «имаху дань варязи изь заморья на чюди и на словенех на мери и на всѣхъ кривичѣхъ»

⁴¹ Анализ хронологии ПВЛ, который предприняла И. Сорлэн, привел французскую исследовательницу к тем же выводам: *Sorlin I. Les premières années byzantines du Récit des temps passés // Revue des études slaves. 1991. Т. LXIII, fasc. 1: Rus' de Kiev et Russie Moscovite. Culture et société. P. 9–18, см. особенно с. 10–12. Ср. также вывод С.В. Цыба: «...нет никаких причин хотя бы приблизительно доверять хронологии русских летописей в описании событий IX — первой половины X в. Единственным основанием для построения историко-хронологических выводов становятся в такой ситуации показания иностранных источников» (*Цыб С.В. Хронология домонгольской Руси. Барнаул, 2003. Ч. 1: Киевский период. С. 71; см. также: С. 67–76*). На условности летописной хронологии делает особый акцент К. Цукерман: *Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков. С. 343–351.**

⁴² *Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 164–165; Кузьмин А.Г. Начальные этапы. С. 253–263, 294–295.* Стоит заметить еще, что этот хронологический расчет в одном элементе (отсчет правления Олега от смерти Рюрика, а не от вокняжения его в Киеве) не соответствует выкладкам, которые содержит статья 6360 г. ПВЛ, основанная на «Летописце вскоре» патриарха Никифора. Есть основания думать (вставной характер выкладок, доведенных «до смерти Святополчи»; расхождения с летописями, отразившими «Новгородско-Софийский свод», и др.), что эти выкладки статьи 6360 г. представляют результат правки позднейших редакторов ПВЛ (по Шахматову, это вставка 2-й редакции ПВЛ: *Шахматов А.А. Повесть временных лет. С. 596*).

⁴³ Далее везде ПВЛ цитируется по Лавр. с исправлением очевидных ошибок по другим спискам (эти исправления даются в квадратных скобках), и только в отдельных особо важных случаях приводятся или обсуждаются варианты других списков.

содержит явную механическую ошибку: вместо «и на всехъ кривичѣхъ» должно читаться «и на вси и на кривичехъ»⁴⁴. Финский народ весь (современные вепсы) упомянут ниже в статье 6370 г. дважды, причем один раз в большинстве списков ПВЛ снова спутан с местоимением «весь/всѣ». Эта фраза ПВЛ передает текст НПЛ мл. с единственным добавлением как раз веси в список народов, призвавших варягов (в НПЛ мл. весь не упоминается). По предположению А.А. Шахматова, составитель ПВЛ знал, что в районе Белоозера (упомянутого в Сказании по НСв как место обоснования Синеуса) жили вепсы, и сделал соответствующую вставку⁴⁵. В ПВЛ весь упоминается, кроме статей 6367 и 6370 гг., только еще во «Введении» в списке народов: «на Бѣлѣозерѣ сѣдять весь»⁴⁶. Археологические поиски следов веси в этом районе увенчались успехом лишь в относительно недавнее время: А.Н. Башенькин убедительно связал с всею выявленный им ареал распространения финно-угорских древностей середины I — начала II тысячелетий н. э. в юго-западном Белозерье в бассейнах рек Суды и Мологи⁴⁷. При этом оказалось, что и древний город Белоозеро (у истока Шексны из озера), и другие поселения по Шексне и берегам Белого озера если вообще и принадлежали к области расселения веси, то только к ее периферии, и ни один из них не мог быть значительным центром этого «племени»⁴⁸. Это обстоятельство выдает ретроспективный и более или менее искусственный характер «исторической реконструкции» составителя ПВЛ.

Таким образом, в данном случае составитель ПВЛ имел в виду факты, известные ему и современникам: он просто знал, что около озера Белого живет весь (вепсы) и связал с ней упоминание города Белоозера в Сказании. Однако, указывая в следующей фразе среди данников хазар не только полян (что было естественным выводом из рассказа о хазарской дани), но и северян и вятичей, он опирался, разумеется, уже

⁴⁴ Поправка предложена С.М. Соловьевым (*Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1. Примеч. 151. С. 292*), принята А.Ф. Бычковым (*Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. [Издан А.Ф. Бычков]. СПб., 1872. С. 18–19*) и А.А. Шахматовым.

⁴⁵ *Шахматов А.А. Сказание. С. 226.*

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10.

⁴⁷ *Башенькин А.Н. Некоторые общие вопросы культуры веси. V–XIII вв. // Культура Европейского Севера России. Вологда, 1989. С. 3–21; Он же. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 3. С. 3–29. Ср. об этом же с учетом данных топонимики: *Макаров Н.А. Весь и славяне на Белом озере // Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 188–198.* Благодарю за консультацию С.З. Чернова.*

⁴⁸ *Макаров Н.А. Весь и славяне. С. 190; Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. С. 119–120.*

не на современные ему реалии, а частично на сведения НСв и частично, видимо, на историческую память. О том, что вятичи платили дань хазарам, говорится в статье 6472 г. НПЛ мл., сообщающей о походе Святослава на хазар⁴⁹. О северянах же в НПЛ мл. нет вообще ни слова. Помещение их под власть хазар и надо объяснять силой памяти о прошлом, державшейся еще в начале XII в. С исторической и археологической точек зрения не может быть сомнения в том, что северяне, как и вятичи, если и не все, то по крайней мере большей частью находились в той или иной зависимости от Хазарии в какие-то периоды в течение VIII–X вв. О северянах, вятичах и, возможно, каких-то других славянах как своих данниках говорит хазарский правитель Иосиф в письме испанскому еврею Хасдаю ибн Шафруту (ок. 960 г.)⁵⁰. Волынцевская и роменская археологические культуры VIII–X вв., которые ученые возводят к северянам, обнаруживают тесную связь и даже «взаимопроникновение» с салтово-маяцкой культурой (связанной несомненно с Хазарией⁵¹) на Левобережье Днепра, в бассейнах Северского Донца и Дона⁵².

Третья фраза этого сообщения ПВЛ снова отсылает нас к НСв, где сказано, что до их изгнания варяги собирали дань «от мужа по бѣлѣи вѣверици»⁵³. Правда, в ПВЛ единицей обложения указан «дым», а не «муж». Но это указание взято из рассказа о хазарской дани, где говорится о дани с полян «от дыма мечь». Составитель ПВЛ просто совместил два сообщения НСв о разных даях (с полян в пользу хазар и со словен, кривичей, мери и чуди в пользу варягов) в одно чисто механическим образом: норма дани взята из одного сообщения («по

⁴⁹НПЛ. С. 117.

⁵⁰Ковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 99.

⁵¹Ср. последнюю обобщающую работу по этому поводу: Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII — третья четверть X вв.). Харьков, 2006.

⁵²См. две интерпретации волынцевской и роменской культур, расходящиеся в разных существенных пунктах, но общие в признании факта связи этих культур со славянами, находившимися в том или ином взаимодействии с хазарами, в том числе и в подчинении им: Седов В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 50–90; Григорьев А.В. О славянских землях Хазарского каганата // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже СПб., 2009. С. 214–221 (Труды Государственного Эрмитажа; Т. XLIX).

⁵³О том, что надо читать именно «по белеи веверици», а не «по беле и веверици», см.: Стефанович П.С. Как правильно читать: «по белеи веверици» или «по беле и веверици»? // Русь, Россия: средневековье и Новое время. Вторые Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Мат-лы к междунар. науч. конф. М., 2011. С. 12–16.

белеи веверици»), единица обложения (от «дыма») — из другого⁵⁴. В целом, статья представляет собой наглядный образец комбинации составителем ПВЛ доступных данных НСв (с перетасовкой и переработкой) с дополнительными (легко верифицируемыми) сведениями. Целью данной «комбинации» было дать внешне целостную картину даннического подчинения народов Восточной Европы: северных — варягам, южных — хазарам.

В летописях группы «Новгородско-Софийского свода», где ПВЛ совмещалась с НСв, мы видим дальнейшее развитие принципов контаминации и реконструкции. Эти летописи в первой части известия передают полностью указание НСв «от мужа по белеи веверице», а во второй развивают текст ПВЛ, указывая норму дани «по беле векшице от дыма»⁵⁵. «Белая векшица» появилась здесь как параллелизм к «белой веверице» — летописец, очевидно, хотел согласовать два своих источника и общую картину налогообложения на Севере и на Юге. Далее на различия в тексте Сказания и «сопутствующих» ему сообщений между, с одной стороны, летописями «Новгородско-Софийского свода» и, с другой стороны, ПВЛ и НСв я не буду обращать специального внимания, т. к. практически все они не существенны и объясняются как следствие контаминации НСв и ПВЛ в этих летописях.

Такие же «коррекционно-комбинаторские» методы работы просматриваются и в статье 6370 г., где помещена основная часть Сказания из НСв (с момента изгнания первых варягов). Главная правка произошла из-за нового взгляда составителя ПВЛ на происхождение руси, который прекрасно опознал и обозначил А.А. Шахматов еще в статье «Сказание о призвании варягов». «Отличие» между версией НСв и «1-й редакцией ПВЛ», писал он, «состоит в отождествлении варягов и руси. Первая версия говорила о призвании варягов, вторая — о призвании варяжского племени руси»⁵⁶. Правда, это отождествление просматривается, хотя нечетко, и в словах НПЛ мл. «и от тех варяг, находник тех, прозвашася русь...». А.А. Шахматов не мог этого не заметить, и поэтому в статье он расценил эти слова как более позднее влияние ПВЛ через «Новгородско-Софийский свод», а в книге «Разыскания» — вообще как результат неоднократной правки на разных этапах летописания (см. выше). На мой взгляд, в таких конструкциях нет необходимости. Вне зависимости от того, что и как говорилось о ру-

⁵⁴Ср. такой же ход мысли: *Пчелов Е.В.* Какую дань «имаху» «варязи изъ заморья»? // ВЕДС. XXIII. М., 2011. С. 239.

⁵⁵См., например: ПСРЛ. Т. 42. С. 25.

⁵⁶*Шахматов А.А.* Сказание. С. 215.

си в некоем первоначальном древнейшем летописном тексте (этого вопроса я здесь не касаюсь), текст ПВЛ вполне объясняется как обработка точно того текста, который мы видим в НПЛ мл.

Придерживаясь своего особенного представления о варягах-руси, составитель ПВЛ сначала вставил пояснение по поводу того, к кому именно отправились посланники «племен», решивших призвать иноземного «князя»: «ид[о]ша за море къ варягомъ, {къ руси, сице бо ся звахуть [т]и варязи [русь], яко се друзии зъвуться [свие], друзии же урмане, анъглиане, друзии гъте, тако и си}. Рѣша {русь, чюдъ, словѣни и кривичи вся⁵⁷}: земля наша велика...» и т. д.

Ср. в НПЛ мл.: «идоша за море к варягомъ и ркоша: земля наша велика...» и т. д.

Во вставном характере слов, выделенных фигурными скобками, сомневаться не приходится⁵⁸. Упоминание руси в списке приглашающих народов (после слова «рѣша») надо расценивать как очевидную опisku, возникшую как раз в том месте, где вносилась правка. Возможно, правильнее в Радзивиловской и Московской Академической летописях, где мы видим: «реша руси», т. е. слово «русь» употреблено в дательном падеже. Именно так думал А.А. Шахматов и соответствующим образом восстанавливал исходный текст ПВЛ⁵⁹. На мой взгляд, такого же рода (механическую) ошибку надо предполагать в пропуске мери в списке «племен». Ведь упоминания мери есть не только в НПЛ мл., но и в ПВЛ выше — в разобранной статье 6367 г. — и ниже — в той же статье 6370 г. в сообщении о раздаче Рюриком городов своим мужам⁶⁰.

Теми же воззрениями составителя ПВЛ надо объяснять исправление «пояша с собою дружину многу и предивну» (НПЛ мл.) в «пояша по собѣ всю русь» в сообщении о приходе Рюрика и братьев⁶¹. Современные критики А.А. Шахматова считают, что вариант ПВЛ первичен,

⁵⁷Во всех списках ошибочно «вся» или «и вси». Правильно: «и всь» (ср. выше о весивесах).

⁵⁸Наблюдение об этой вставке высказал еще А.А. Потебня в 1879 г., трактуя ее как «очевидную» «глоссу составителя летописного свода»: *Потебня А.А.* К истории звуков русского языка. Варшава, 1880. Т. II: Этимологические и другие заметки (Из «Русского Филологического вестника», 1879). С. 16. Не будучи знаком с НПЛ мл., он выделял «глоссу» со слов «сице бо ся зваху...» и т. д. А.А. Шахматов ссылался на это наблюдение, внося поправку относительно того, с какого слова начинать вставку, с ранних работ до последних как на одно из самых очевидных свидетельств вторичности текста ПВЛ по сравнению с НПЛ мл. (см., например: *Шахматов А.А.* Сказание. С. 188).

⁵⁹*Шахматов А.А.* Сказание. С. 597.

⁶⁰А.А. Шахматов думал, что меря была пропущена сознательно составителем ПВЛ, который вместо нее ввел в число приглашающих чюдъ: Там же. С. 226.

⁶¹Там же. С. 228. Ср.: *Шахматов А.А.* Разыскания. С. 234.

т. к. они находят выражение «вся русь» в независимых источниках, а именно в русско-византийских договорах и рассказе Константина Багрянородного о полюдье «росов» в сочинении «Об управлении империей»⁶². Однако это словосочетание не представляет собой какой-то идиомы или специфической формулы, которая не могла бы появиться под пером разных авторов независимо друг от друга и от их источников. И даже если допустить формульность этих слов, то непонятно, почему их употребление в договорах и у Константина (в греческих текстах, независимых от летописи) должно свидетельствовать в пользу первичности чтения ПВЛ перед НПЛ мл.? Если уж делать такие (вообще-то натянутые) допущения, то вопрос вообще надо решать способом, ровно противоположным тому, который предлагают Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин: надо как раз думать, что введение в летопись переводов договоров и подтолкнуло составителя ПВЛ к фразе «попяша по себе всю русь»⁶³.

Константин дает своего рода этнографическое описание обычаев варварских народов как некоей *curiosité*. Описывая «зимний и суровый образ жизни росов», он сообщает о порядке полюдьи: «когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киавы и отправляются в полюдия, что именуется „кружением“...» и т. д.⁶⁴ В сущности, мы имеем здесь дело с совсем иными литературной традицией и исторической ситуацией, сам текст никак не связан с древнерусской книжностью и тем более летописью — одним словом, императорский трактат тут просто ни при чем. Из работ Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина, собственно, и неясно, что вообще заставило их сопоставить трактат с ПВЛ. Вероятно, сказалась историографическая традиция — выражения ПВЛ и Константина сопоставляли некоторые исследователи в подтверждение тезиса, что слово «русь» могло выступать не этнонимом, а обозначением некоей «социальной категории». Однако это совсем другая проблема, не имеющая отношения к вопросу о первичности НСв/ПВЛ⁶⁵.

В тексте Сказания ПВЛ допускает еще два существенных отступ-

⁶² Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Ряд» легенды. С. 224–225; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о «призвании варягов». С. 53; Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 105.

⁶³ Именно так рассуждает О. Прицак: *Prütsak O. The Invitation*. P. 18–19.

⁶⁴ *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991. С. 50–51.

⁶⁵ Эта проблема — спорная, и доводы сторонников тезиса о «социальном» значении слова «русь» далеко не всегда выглядят убедительно. По крайней мере, у Константина Багрянородного слово *ῥῶς* выступает только как этноним, см. об этом: *Sorlin I. Voies commerciales, villes et peuplement de la Rōsia au X siècle d'après le De administrando imperio de Constantin Porphyrogénète* // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du*

ления от НПЛ мл. Во-первых, ПВЛ опускает замечание, что первоначальное изгнание варягов произошло из-за их «насилия». Очевидно, для составителя ПВЛ оно стало излишне. Его уже не интересовало, по каким причинам были изгнаны варяги, бравшие дань. Важнее было, что пришла *русь*. Во-вторых, в НПЛ мл. говорится, что изгнавшие варягов «племена» начали «города ставить», а потом, когда у них начались усобицы, «всташа град на град». ПВЛ опускает сообщение о строительстве городов, а вторую фразу переделывает так: «вста род на род». Эта переделка, по-видимому, развивала заложенную в НСв идею о «родовом» строе древних «племен» (см. в первой фразе статьи 6362 г.: «живяху кождо с родом своим»), и надо согласиться с теми, кто считает, что в данном случае составитель ПВЛ «руководствовался своими представлениями о характере до-государственного общества и, кроме того, вероятно, хотел подчеркнуть глубину охватившего его беспорядка»⁶⁶.

Далее тексты списков ПВЛ в одном важном пункте расходятся. Списки Ипат, Радзивилловской и Московской Академической летописей говорят, что Рюрик, старший из трех пришедших на русь братьев-варягов, сел княжить в Ладоге и только после смерти Синеуса и Трувора он «сруби город над Волховом, и прозваша и Новьгород»⁶⁷. В Лавр здесь пропуск, и где сел Рюрик, просто не сказано, так что в тексте зияет явная смысловая и стилистическая «дыра». Что было в Троицкой летописи, мы не знаем. В издании ПВЛ Х. Чеботарева и Н. Черепанова, которые, как известно, пользовались Троицкой для подведения вариантов, в примечании против этого места сказано: «въ *Три. ркп.* къ слову *Рюрикъ* прибавлено: *сгъде Новьгородъ*»⁶⁸. Однако Н.М. Карамзин, у которого тоже в руках был этот манускрипт, пишет, что в нем указание о местопребывании Рюрика, как и в Лавр, «пропущено», «но вверху приписано над именем Рюрика: *Новг...*»⁶⁹. М.Д. Приселков, предпочитая свидетельство Карамзина, считает, что пропуск был и в

Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997. P., 2000. С. 344–354, особенно примеч. 55.

⁶⁶Флоря Б.Н. Представления об образовании государства и его основных функциях в русском и западно-славянском летописании // Раннефеодальные славянские государства и народности (Проблемы идеологии и культуры). София, 1991. С. 45, примеч. 10. (Studia balkanica; 20).

⁶⁷См. в Ипат.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14.

⁶⁸[Повесть временных лет. Издали Х. Чеботарев и Н. Черепанов. М., 1804–1811] (листы невышедшего издания, которое готовилось Обществом истории и древностей российских в Москве; использовался экземпляр из библиотеки М.П. Погодина в Музее книги РГБ, шифр Н-373). С. 50, примеч. (к). Курсив авторов.

⁶⁹Карамзин Н.М. История. Т. 1. С. 241, примеч. 278. Курсив автора.

Троицкой, и в Лавр (восходя к их общему протографу), а в Троицкой этот пропуск был восполнен позднейшим редактором оригинала⁷⁰.

Схема А.А. Шахматова подразумевала, что ПВЛ претерпела три редакции, вторая из которых отразилась в Лавр и Троицкой, а третья — в Ипат, и что предшествующим ей этапом летописания был НСв, отразившийся в НПЛ мл. В пропуске Лавр А.А. Шахматов видел индивидуальную особенность ее или ее протографа (если трактовать свидетельство Н.М. Карамзина в том смысле, как это делал М.Д. Приселков). Изменение 3-й редакции ПВЛ он убедительно объяснял как следствие правки ее составителя, бывавшего в Ладоге (что следует из ряда статей Ипат, прежде всего 6622 [1114] г.) и знакомого с местными преданиями, «выставлявшими старшинство Ладоги перед Новгородом»⁷¹. Недавно А.А. Гиппиус заново рассмотрел этот вопрос, разобрал аргументы А.А. Шахматова и его критиков, и укрепил точку зрения о вторичности «ладожской версии». Первично указание о Новгороде, читаемое в НПЛ мл.; и оно было, вероятно, в архетипе Лавр, т. е. в более ранней редакции ПВЛ по сравнению с отразившейся в Ипат и опосредованно в Радзивиловской и Московской Академической летописях⁷².

После распределения трех братьев по соответствующим городам НПЛ мл. и ПВЛ приводят слова, над которыми много бился А.А. Шахматов и смысл которых до сих пор неясен ученым:

Таблица 1

НПЛ мл.	ПВЛ			
	по Лавр.	по Троиц. ⁷³	по Радз. ⁷⁴	по Ипат. ⁷⁵
и от тѣх варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася русь, и от тѣх словет Руская земля, и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжъска	от тѣхъ прозвася Руская земля, новгородьци ти суть людье новгородьци от рода варяжъска, преже бо бѣша словени	и от тѣхъ прозвася Русьская земля, а новгородци от рода варяжъска, преже бо бѣша словѣни	и о[т] тѣхъ варягъ прозвася Рускаа земля, Новгород, тии суть людие новгородци от рода vareжска, преж бо бѣ [словѣне — по Мос.-Акад.]	и от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля

⁷⁰ Приселков М.Д. История русского летописания. С. 127; *Он же*. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002 (1-е изд.: 1956 г.). С. 58.

⁷¹ Шахматов А.А. Повесть временных лет. С. 531–532.

⁷² Гиппиус А.А. Новгород и Ладога.

Снова оставляя за скобками проблему объяснения этого места по НПЛ мл. (= НСв), замечу только, что и здесь текст ПВЛ вполне объясняется как переработка текста, представленного в НПЛ мл. В сущности, единственный новый элемент, который вносит составитель ПВЛ в этот фрагмент, — это пояснение «преже бо беша словене». Разумеется, нельзя принимать в расчет явно ошибочное повторение слов «новгородци» (в Лавр) и «новгороци» (в Радзивиловской) — это либо механическая ошибка переписчика, либо внесение глоссы на полях, пояснявшей, что речь здесь идет о новгородцах⁷⁶. Этот дефект восходит, очевидно, к архетипу списков ПВЛ, а редакции Троицкой и Ипат представляют уже позднейшие исправления его, исходившие из общего смысла текста.

Пояснение «преже бо беша словене» нет никаких препятствий приписать руке составителя ПВЛ. Как можно предположить, утверждение НСв о принадлежности новгородцев к «роду варяжскому» должно было быть неожиданным для составителя ПВЛ (как, впрочем, и для любого читателя НПЛ мл.), потому что выше текст не давал никаких поводов к такому повороту мысли. Он попытался внести какую-то логику в повествование, согласовывая текст со своими прежними сообщениями: ладно, пусть теперь новгородцы стали варягами, но прежде-то они были словене, как и сообщалось выше. Этим пояснением устанавливалась связь с двумя сообщениями «Введения» ПВЛ о словенах и Новгороде. «Введение» сначала говорило, что «словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ», а затем, что словене «почаша держати княженье» «свое в Новѣгороде»⁷⁷. Однако сколько-нибудь сносно восстановить логику повествования такое пояснение не могло — противоречие оставалось все равно слишком явным. Вероятно, именно по этой причине составитель редакции ПВЛ, представленной Ипат, решил избавить своего читателя от недоумений радикальным сокращением всего фрагмента и оставил только то, что соответствовало главной мысли ПВЛ: русь получила свое наименование от варягов. То, что вариант Ипат связан именно с версией ПВЛ, а не НСв (НПЛ мл.), очевидно — вне зависимости от того, пропущено ли в Лавр и в Тро-

⁷³[Повесть временных лет. Издали Х. Чеботарев и Н. Черепанов. М., 1804–1811]. С. 51; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. С. 58.

⁷⁴ПСРЛ. Т. 38. С. 16.

⁷⁵ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14.

⁷⁶Такую мысль высказывал еще Н.П. Ламбин: *Ламбин Н.П.* Источник. С. 53.

⁷⁷ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6, 10.

ицкой слово «варягъ» по ошибке (что скорее) или оно было вставлено в «3-й редакции» ПВЛ.

Слово «находники» в соответствующем фрагменте НПЛ мл. составитель ПВЛ применил чуть дальше, после известия о смерти Синеуса и Трувора. Здесь он, прежде чем перейти к рассказу об Аскольде и Дире (который он, как уже говорилось, переместил из времени *до* призвания на время *после* него), завершил рассказ о призвании варягов-руси сообщением о том, какими областями «обладаше Рюрик». Этого сообщения нет в НПЛ мл., но его характер не заставляет предполагать каких-то особых источников в распоряжении составителя ПВЛ. Логика изложения вполне соответствует той, которая была применена только что в пояснении про новгородцев: сначала сообщается о городах, куда Рюрик посадил своих «мужей», — эти «мужи» и называются «находници варязи», — а потом поясняется, кто там был «перввии насельници». Фактические сведения, сообщаемые при этом, происходят из «припоминания», как выразался А.А. Шахматов, т. е. из исторической памяти. Возможно, летописец ориентировался также на некие остатки прошлого, видимые еще в то время, когда он жил, а также, вероятно, он прибегнул и к посильной исторической реконструкции.

К реконструкции составителя ПВЛ надо, конечно, отнести само сообщение, что Рюрик «раздая мужемъ своимъ грады» (Лавр) или «раздая мужемъ своимъ волости и города рубити» (Ипат). Практика посылки князьями бояр в качестве посадников в центры административно-финансовых округов (по «городам» и «волостям») с определением соответствующего корма хорошо известна по данным XII в. и последующего времени. Несомненно, из этой практики как из чего-то само собой разумеющегося исходили летописцы начала XII в. Для них само установление княжеской власти над некоей территорией автоматически подразумевало посылку туда княжеских агентов. Подозревать, что так происходило в предшествующее время везде и всегда (тем более в IX в.), у нас нет никаких оснований⁷⁸.

Под власть Рюрика ПВЛ приводит помимо уже названного Белозера еще Полоцк, Ростов и Муром, причем указывает тут же, какие народы жили вокруг этих центров: весь, кривичи, меря и мурома. Изборск уже больше не упоминается, и это показательно — составитель

⁷⁸Ср. мнение, что сообщение о «раздаче городов» донесло аутентичную информацию: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о «призвании варягов». С. 51. Авторы пишут, что «раздача городов» — это один из элементов «ряда», и ее можно рассматривать как «раздачу ленов, т. е. права на сбор дани». Княжеские посадники (в Новгороде) впервые упоминаются в летописи в рассказе о борьбе Ярополка и Владимира Святославичей (НПЛ. С. 125).

ПВЛ явно не понимал, какое отношение имеет этот городок, имевший в его время локальное значение, к древнейшей истории Руси. Появление в этом списке, помимо веси с ее «историческим» центром Белоозером, также кривичей с Полоцком и мери с Ростовом понятно: раз выше среди народов, призвавших варягов, были упомянуты меря и кривичи, значит, теперь они и должны были составить области, которыми «обладаше» Рюрик. Во «Введении» ПВЛ, обозначая области расселения народов, подвластных Руси, мерю размещала на Ростовском и Клевшине озерах, а также «по Оцѣ рѣцѣ, гд[ѣ] потече в Волгу». Областью расселения кривичей указывались верховья Волги, Днепра и Двины, «их градом» указан Смоленск, а река Полота, на которой стоит Полоцк, была обозначена как область «полочан»⁷⁹. Ясно, что поскольку Полота — приток Двины, речь идет приблизительно об одном и том же регионе, и все же ввиду этих данных «Введения» в Сказании ожидалось бы появление именно Смоленска как центра кривичей, а не Полоцка. А.А. Шахматов объяснял эту странность данного фрагмента Сказания по ПВЛ тем, что о захвате Смоленска НСВ говорит несколько позже в рассказе о походе Игоря и Олега на Киев⁸⁰. Составитель ПВЛ оставил это сообщение, уточнив, что Олег, «прияв» этот город, «посади мужь свои» там. Очевидно, если кривичи «призывали» варягов, а Смоленск был захвачен только Олегом, значит, Рюрик мог посадить своих посадников только в Полоцк. Такое объяснение представляется наиболее естественным. Можно еще заметить, что если бы составитель ПВЛ считал, что именно Смоленск был главным кривическим городом (а не Полоцк), он мог бы убрать упоминание о взятии его Олегом. Раз он этого не сделал, значит, в его глазах оба города — Смоленск и Полоцк — были примерно равнозначными «историческими центрами» кривичей. Наконец, можно еще думать, что сообщение о «раздаче городов» Рюриком и фрагменты о кривичах и полочанах во «Введении» относятся к творчеству разных авторов, поскольку, как уже говорилось, есть основания видеть во «Введении» шивку самых разных по происхождению текстов⁸¹.

Стоит отметить, что само по себе соотнесение кривичей со Смо-

⁷⁹ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6, 10–11.

⁸⁰Шахматов А.А. Сказание. С. 226–227.

⁸¹Ср.: Горский А.А. Кривичи и полочане в IX–X вв. (Вопросы политической истории) // ДГ. 1992–1993 г. М., 1995. С. 50–63. А.А. Горский считает, что один летописец одной частью кривичей — «полочанами» — обозначал их всех, а другой автор, работавший позже, уже писал собственно о кривичах (с. 55). Опираясь на археологические данные, историк предполагает, что наименование, использованное первым автором, отражает более раннюю ситуацию главенства «племенного княжества» с центром в Полоцке (С. 58–59).

ленском и Полоцком, которое произведено в ПВЛ, подтверждается археологическими данными. Действительно, этот регион выделяется некоторыми специфическими чертами, в частности, ему приблизительно соответствует ареал распространения культуры смоленских длинных курганов VIII–X вв., памятники которой фиксируются в верховьях Двины, Днепра и Немана. Однако в науке остается спорной этническая принадлежность этих древностей, а значит, и самих кривичей. Славянский элемент среди них как будто присутствует, но был ли он или стал ли он в какой-то момент еще до конца X в. преобладающим, остается неясным⁸².

Труднее понять, какие причины могли быть у составителя ПВЛ отнести к «государству Рюрика» мурому. Муром как «язык» указывается в списках народов «Введения» рядом с мерей и весью (это и отметил А.А. Шахматов⁸³), но вряд ли одно это обстоятельство было достаточным основанием для упоминания ее в Сказании: список этот довольно длинный — почему из него взята именно мурома? Да и вообще зачем, собственно, надо было увеличивать область, подчиненную Рюрику? Вероятно, сказались какие-то представления летописца либо об историческом единстве этих трех народов, либо о путях включения финно-угорских народов в сферу влияния скандинавов, с которыми летописец связывал образование государства Руси. По современным, главным образом, археологическим данным ясно, что все три народа были вовлечены уже в IX в. в транзитную торговлю между Балтийским и Каспийским морями. В районе, указанном в летописи как область расселения мери, зафиксированы крупные поселения и даже городские центры (Сарское городище), где наблюдается взаимодействие финно-угорской и скандинавской материальных культур. По течению Оки открыты представительные финно-угорские могильники и немало кладов арабских монет IX–X вв.⁸⁴ Но эти данные не позволяют точно определить, что именно имел в виду летописец, упо-

⁸²Ср., например: *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 158–166; *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л., 1978. С. 21 и след, особенно 45; *Енуков В.В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990; *Бузов В.А.* К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // РА. 1996. № 1. С. 122–131.

⁸³*Шахматов А.А.* Сказание. С. 227.

⁸⁴См.: *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники. С. 108–113; *Гришаков В.В., Зеленев Ю.А.* Муром VII–XI вв. Учебное пособие. Йошкар-Ола, 1990; *Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб., 1997. С. 149–235; *Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 388–402. Особенно важен коллективный труд: *Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР)*. М., 1987, о

миная о муроме. Во всяком случае, видеть в этом упоминании «свидетельство», «трансформированное», но сохраненное «исторической памятью», «об основных направлениях военно-политической экспансии Рюрика и Олега»⁸⁵, слишком рискованно.

На этом «Сказание о призвании варягов» как таковое заканчивается. Статью 6370 г. ПВЛ продолжает рассказом о приходе Аскольда и Дира в Киев. Зачем составителю ПВЛ потребовалось поместить этот рассказ именно сюда и сделать Аскольда и Дира боярами Рюрика, уже говорилось выше. Приписав в статье 6374 г. предводительство в походе руси на Константинополь (в действительности состоявшемся в 860 г.⁸⁶) Аскольду и Диру, составитель ПВЛ удачно решил противоречие, которое получилось в НСв из-за вставки известия об этом походе из Хронографа. В НСв рассказ о походе «руси» оказался впереди Сказания, которое впервые вводило в повествование эту русь, появившуюся только после призвания варягов из-за моря. В греческих хрониках, откуда летописцы черпали сведения о походе, никаких личных имен среди «росов», напавших на греков, не упоминалось, и имена Аскольда и Дира стали вноситься в русские копии хронографов в сообщения о походе 860 г. уже в XV в. под влиянием летописи⁸⁷. Никаких фактических сведений, новых по сравнению с НСв, составитель ПВЛ в рассказ об Аскольде и Дире не внес. Рассказ этот построен на переработке краткого сообщения НСв об Аскольде и Дире с некоторым распространением его и «подгонкой» под новое развитие повествования.

Статья 6362 г. НПЛ мл. после Сказания рассказывает еще о захвате Киева Игорем и Олегом. Этот рассказ есть и в ПВЛ, в статье 6390 г., но с существенными отличиями, важнейшее из которых состоит в том, что главная роль в этом событии приписывается не Игорю, как в НСв, а Олегу. Олег превращен из воеводы Игоря, как в НСв, в самостоятельного князя «от рода» Рюрика, причем сам Рюрик перед смертью передает «княженье свое Олгови» и поручает ему своего сына Игоря (об этом сообщает новая статья ПВЛ под 6387 г.). А.А. Шахматов

муроме см. раздел Л.А. Голубевой (С. 81–92). В самом Муроме древнерусские слои фиксируются с X или даже скорее XI в., а до этого — финно-угорские древности с VIII в.

⁸⁵Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. С. 115.

⁸⁶Свидетельства источников о походе 860 г. собраны в работе: Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГ. 2000 г. М., 2003. С. 3–172.

⁸⁷Летописец Еллинский и Римский / Изд. О.В. Творогов. СПб., 1999. Т. 1: Текст. С. 455; СПб., 2001. Т. 2: Комментарий и исследование. С. 173–184, особ. 175. В Никоновской летописи мы имеем дело уже с вторичными заимствованиями из хронографов сведений о «росах», в которых нельзя видеть следы каких-то русских летописей, — см.: Творогов О.В. Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2. С. 54–59.

это превращение объяснял тем, что составитель ПВЛ ориентировался на «южные (киевские) предания», в которых Олег фигурировал в качестве самостоятельного князя (следы этих преданий надо видеть в легенде о смерти Олега от укуса змеи, вставленной в ПВЛ), и на договор руси с греками 911 г., заключенный от имени «Олга, великого князя рускаго». Все остальные отличия ПВЛ от НПЛ мл. вполне можно объяснить как плоды «историко-литературного» творчества составителя ПВЛ. Так, в указании «племен», которые Олег взял с собой с севера («варяги, чюдь, словѣни, мерю и всѣ [правильнее, как в Троицкой: весь] кривичи»), видим повтор списка народов, «призвавших» варягов, с добавлением самих варягов. Взятие Любеча, не упомянутого в НПЛ мл., надо объяснить тем, что город, как и Смоленск, лежал на пути Олега из Новгорода в Киев, и составителю ПВЛ его взятие казалось настолько же естественным, как и взятие Смоленска (ср. упоминание Любеча среди городов, которым причитались «уклады» после похода Олега на Византию, согласно рассказу ПВЛ в статье 6415 [907] г.⁸⁸). Упоминание, что Олег якобы идет «в греки», развивающее сюжет хитрости с «потаенными» воинами в ладьях, окажется вполне естественным, если вспомнить описание ПВЛ пути «из варяг в греки». Наконец, за известной фразой о Киеве, которую ПВЛ вкладывает в уста Олега: «се буди мати градомъ русским» (калька с греческого), не стоит ничего, кроме идеи летописца о «столичном» статусе Киева наподобие Константинополя. Заключительное сообщение о даях, которые возлагает Игорь (Олег по ПВЛ), обосновавшись в Киеве, также было переделано составителем ПВЛ на основе НСв⁸⁹.

Это простое и убедительное объяснение соотношения ПВЛ и НСв (НПЛ мл.) А.А. Шахматов предложил в статье «Сказание». В «Разысканиях» он предположил, что в своде 1070-х гг. Олег выступал тоже, как и в ПВЛ, в качестве самостоятельного князя и действовал единолично, но в соотношении НСв и ПВЛ он оставался при прежнем мнении: вторая опиралась на первый. То, что Олег и в ПВЛ оказался в той же роли, в какой он выступал в своде 1070-х гг., А.А. Шахматов объяснял не влиянием второго на первую, а просто тем, что составитель ПВЛ был знаком с теми же киевскими преданиями, которые представляли Олега независимым правителем, да к тому же получил в свое распоряжение русско-византийские договоры. Иными словами, А.А. Шахматов не связывал возвращение ПВЛ к освещению роли Оле-

⁸⁸ПСРЛ. Т. 1. Стб. 31.

⁸⁹Об этом сообщении см. подробнее: *Стефанович П.С.* Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // НИС. М.; СПб., 2011. Вып. 12 (22). С. 5–35.

га, свойственному своду 1070-х гг., с обращением составителя ПВЛ к какому-либо дополнительному летописному источнику помимо НСв.

В.Я. Петрухин и Е.А. Мельникова указывают на два важных обстоятельства, которые могли бы помешать принять шахматовское объяснение соотношения НПЛ мл. и списков ПВЛ⁹⁰. Во-первых, ряд неясностей текста, представленного в НПЛ мл. (а точнее, в некоторых ее списках), свидетельствуют как будто против его первоначальности. Во-вторых, предположение А.А. Шахматова в «Разысканиях», что самостоятельность Олега в ПВЛ соответствует содержанию летописи, предшествовавшей НСв, подталкивает к идее, что этой мысли составитель ПВЛ обязан не некоему «преданию», а как раз этой самой летописи, которая, получается, была в его распоряжении. В таком случае версии НПЛ мл. и ПВЛ надо рассматривать как равно вторичные по отношению к древнейшему тексту, причем, хотя каждая из них сохранила что-то от первоначального варианта и прибавила что-то от себя, все-таки ближе к нему версия ПВЛ. Именно к этой точке зрения склоняется в последней работе Е.А. Мельникова, указывая на свод 1070-х гг. как общий источник НСв и ПВЛ со ссылкой на статью А.А. Гиппиуса 2006 г., которая предполагает смену летописных введений от свода 1070-х гг. к НСв и затем к ПВЛ⁹¹.

Из этих двух аргументов второй может «работать» только при условии, что мы имеем применительно к каким-то другим местам летописи доказательства обращения составителя ПВЛ к своду 1070-х гг. Как увидим чуть ниже, соображения А.А. Гиппиуса применительно к вводным частям НСв/ПВЛ таких доказательств на самом деле не дают. Пример же с Олегом базируется на чисто гипотетическом предположении А.А. Шахматова о том, что *могло* читаться в своде 1070-х гг.

Первый аргумент не имеет прямого отношения к вопросу о соотношении НСв и ПВЛ и поэтому не может поколебать тезис, который отстаивал А.А. Шахматов и который теперь я пытаюсь подтвердить — а именно, что текст ПВЛ объясняется как пересказ текста, который мы видим в НПЛ мл., с вполне понятными и объяснимыми дополнениями или поправками самого составителя ПВЛ. Признание некоей неясности или даже порчи в тексте НПЛ мл. совсем не влечет за собой автоматически пересмотр соотношения НПЛ мл. и списков ПВЛ

⁹⁰ Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 142 и сл.; Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение. С. 54–56.

⁹¹ Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение. С. 56–57. Точки зрения, что «НПЛ и ПВЛ восходят в этом эпизоде к общему источнику (или очень сходным)», придерживается и А.А. Шайкин, хотя он готов признать, что в отдельных деталях не ПВЛ, а НПЛ мл. «ближе к первоначальному источнику»: Шайкин А.А. Олег и Игорь. С. 610–611.

как текстов первичных и вторичных, соответственно. Те новации, которые дает ПВЛ в данном случае, сами по себе не дают никаких оснований предполагать здесь следы некоей древней летописи. Главная из этих новаций — первенствующая роль и княжеский статус Олега — легко объясняется тем, что составитель ПВЛ исходил из русско-византийского договора 911 г.⁹²

Таким образом, сравнительный обзор текстов, вошедших в статью НПЛ мл. 6362 г., с их «репликами» в списках ПВЛ приводит к выводу, что составитель ПВЛ на этом отрезке летописи опирался в своей работе именно на тот текст, который мы видим в НПЛ мл. и который А.А. Шахматов предложил считать отражением Начального свода — летописного свода, составленного в начале 1090-х гг. Во всяком случае, никаких фактов, противоречащих этому выводу, обзор не выявил. Это вполне соответствует основной идее Шахматова о соотношении НСв и ПВЛ, которую он разрабатывал не только в «Разысканиях», но и во многих других работах по летописанию вплоть до последних дней жизни.

Проведенный обзор показывает не только первичность текста НСв (= НПЛ мл.) по сравнению с ПВЛ, но также и то, что составитель ПВЛ не пользовался *никакими другими* летописными источниками, кроме НСв. Именно этот второй пункт был в последнее время подвергнут сомнению. Речь идет об упоминавшейся выше гипотезе А.А. Гиппиуса, что в «своде 1072 г.», предшествовавшем НСв, читалась некая вводная часть, которая была опущена составителем НСв, но восстановлена в ПВЛ. Если предполагать именно такой ход событий, то надо допускать, что у составителя ПВЛ все-таки была в распоряжении летопись, которая предшествовала НСв и была в нем существенно переработана. Если составитель ПВЛ счел возможным опустить Предисловие к НСв и вернуться к версии введения, опробованной в «своде 1072 г.», то теоретически допустимо, что таким же образом он мог поступить и в других местах «Начальной летописи». Именно в таком направлении выдержаны некоторые высказывания А.А. Гиппиуса в указанной статье. Так, в одном из примечаний автор готов допустить, что «составитель ПВЛ на всем протяжении недатированной части своего труда использовал в качестве основного источника свод 1072 г.»⁹³. Посколь-

⁹² Пользование составителем ПВЛ данными договоров 911 и 944 гг. для исторических реконструкций убедительно продемонстрировал еще С.В. Бахрушин: *Бахрушин С.В.* [К вопросу о достоверности Начального свода] // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (научное наследие). М., 1987. С. 29–33.

⁹³ *Гиппиус А.А.* Два начала. С. 84–85, примеч. 25.

ку в недатированное «Введение» ПВЛ входят, среди прочего, и тексты, которые в НСв помещены уже в датированную часть, а именно рассказы об основании Киева и хазарской дани из статьи 6362 г., то напрашивается вывод, что и другие тексты, вошедшие в эту статью НСв, а может быть, и в последующие, могли быть использованы в ПВЛ не по НСв, а по «своду 1072 г.». Важность вопроса, затронутого этим замечанием А.А. Гиппиуса, заставляет детальнее рассмотреть его аргументы.

Интересный тезис А.А. Гиппиуса о разных «началах» «Начальной летописи», отталкивающийся от мысли А.А. Шахматова о введениях к двум редакциям НСв (которую тот высказал в одной из ранних статей, но затем не развил⁹⁴), вне сомнения, позволяет убедительно решить некоторые недоумения, которые вызывает явно многослойный текст «Введения» ПВЛ, а кроме того найти объяснение происхождению той странной и очевидно обрубленной фразы, которой начинается статья 6362 г. НПЛ мл. (первая после «Предисловия»): «(В лѣто 6362. Начало земли Рускои.) Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣstech и странах, владѣюща кождо родомъ своимъ». Следуя путями, проложенными А.А. Шахматовым, А.И. Соболевским и О.В. Твороговым, А.А. Гиппиус ищет начало этой фразы как раз во «Введении» ПВЛ, а именно в словах: «и тако разидеся словѣньский языкъ»⁹⁵, завершающих рассказ о расселении народов после вавилонского столпотворения. Восстановленная фраза должна была, таким образом, выглядеть так: «И тако разыдесе словѣньскыи языкъ / и живяху къждо с родьмъ своимъ на своихъ мѣstechъ и странахъ, владѣюще къждо родьмъ своимъ». Логично допустить, что если начало разорванной фразы завершает рассказ о расселении народов, то этот рассказ должен был читаться в той летописи, где фраза читалась целиком и не была еще «обрублена». Такую летопись А.А. Гиппиус предлагает видеть в «своде 1072 г.», а не в особой редакции НСв, тем самым корректируя изначальную мысль А.А. Шахматова⁹⁶.

Выдвинув этот тезис, А.А. Гиппиус обращает внимание далее на еще одну фразу в начале статьи 6362 г. НСв⁹⁷. После рассказа об основании Киева летописец делает следующее замечание о полянах: «бяху

⁹⁴ А.А. Шахматов высказал эту мысль в статье 1900 г. (*Шахматов А.А.* Начальный киевский летописный свод и его источники // *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 183), но позднее не возвращался к ней, т. к. отказался от самой идеи двух редакций НСв.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6.

⁹⁶ *Гиппиус А.А.* Два начала. С. 87.

⁹⁷ Там же. С. 78–79.

же поганѣ, жруще озером и кладязем и рощением, якоже прочии погани». Это замечание А.А. Шахматов выделял как вставку составителя НСв еще в той же ранней статье и позднее не отказался от такого определения его происхождения⁹⁸. В НПЛ мл. очевидная параллель этим словам содержится в «Речи Философа» — тексте, явно вторичном по отношению к первоначальному ядру летописи: «и по дяволю научению ови рощениемъ вероваша и кладяземъ и рѣкамъ» (в ПВЛ немного в ином варианте: «и по дьяволю учению ови рощенье[м], кладеземъ и рѣкамъ жряху») ⁹⁹. Замечу, кстати, что в «Речи Философа» эти слова приходятся как раз на конец рассказа о «размещении языцев» после вавилонского столпотворения. Похожим образом сформулированные комментарии о язычестве руси находим также в «Предисловии» НСв («куда же древле погани жряху бесомъ на горах») и в статье о 6488 (980) о язычестве Владимира («и жряху имъ наричюще ихъ богы...» и т. д.; параллель в «Речи Философа»: «и приводяху сыны и дщери своя...» и т. д. ¹⁰⁰). К этому ряду примыкают замечания в конце рассказа о походе Олега на Царьград (статья 6430 г.) («и бяху людие погани и невѣгласи») и в заключении к повести о варягах-мучениках (в статье 6491 г.) («и бяху бо тогда челоуѣци невѣгласи и погани») ¹⁰¹.

Вполне правдоподобным выглядит, что все эти летописные фрагменты если и не принадлежат руке одного редактора, то, во всяком случае, вторичны по отношению к первоначальному тексту. Два из этих фрагментов надежно выделяются в своих контекстах как вставные. Указанная фраза в рассказе об основании Киева и замечание в рассказе о походе Олега явно противоречат предшествующим повествованиям, героизирующим, соответственно, полян и Олега. Смысл внесения этих замечаний раскрывает А.А. Гиппиус в связи с общей идеологической тенденцией составителя НСв: они отражают «универсалистски-христианский взгляд на дохристианское прошлое, то есть, по существу, ту же византийско-христианскую историческую перспективу». «В отношении полян» вставной пассаж «выполняет функцию, аналогичную той, какую вставки из Хронографа выполняют в отношении руси, представляя ее на заре ее истории как врага христианского мира. В эпически героизирующее изложение своего источника, рисовавшего

⁹⁸ Шахматов А.А. Начальный киевский летописный свод. С. 183; Шахматов А.А. Разыскания. С. 359.

⁹⁹ НПЛ. С. 137; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 91.

¹⁰⁰ См.: Шахматов А.А. Сказание. С. 284.

¹⁰¹ НПЛ. С. 103, 109, 131. Ср. также о летописных замечаниях в рассказах о варягах-мучениках и об Олеге: Лукин П.В. Сказание о варягах-мучениках в начальном летописании и Прологе: текстологический аспект // ДР. 2009. № 4 (38). С. 94–95.

полян изначально „мудрыми и смысленными“, а русь в лице ее вождя Олега — „мудрой и храброй“, Начальный свод внес „снижающие“ акценты, оттенив тем самым величие божественного промысла, за сто с небольшим лет сделавшего из варваров и невегласов новых людей христианских»¹⁰².

Рассуждая о вставной фразе о «поганстве» полян, А.А. Гиппиус обращает также внимание на то, что эта фраза отсутствует в рассказе ПВЛ об основании Киева, который заканчивается как раз словами, предшествующими ей: «... и нарицахся поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего д(ь)не», а дальше начинается полемика составителя ПВЛ с теми, кто считает Кия «перевозником»¹⁰³. Допуская, что «составитель ПВЛ с его «полянским патриотизмом» мог, конечно, опустить эти слова своего источника как несоответствующие проводимой им тенденции», А.А. Гиппиус в то же время считает странным, что «исключенными» оказались в таком случае «слова, которые в самом Начальном своде являются вставкой». Именно это наблюдение и дает далее автору основания для предположения о том, что «составитель ПВЛ на всем протяжении недатированной части своего труда использовал в качестве основного источника свод 1072 г.», где этих вставных слов не должно было быть¹⁰⁴. Далее это предположение, высказанное мельком в сноске, автор не развивает, и единственным текстологическим аргументом в его пользу остается указанное наблюдение.

Однако, на мой взгляд, этот аргумент не выглядит убедительным. Действительно, фраза выглядит в НСв явно вставной, а в ПВЛ она отсутствует. Но надо принять во внимание и то, что в ПВЛ текст, представленный в НПЛ мл., вообще на этом отрезке сильно перекроен и переложено многочисленными добавлениями. Причем тот смысловой отрывок, который эта фраза заканчивает, — о Кие, Щеке и Хориве и полянах — поставлен в ПВЛ совсем на другое место по сравнению с НПЛ мл., и сразу после него следует не сообщение о походе руси на Царьград, как в НПЛ мл., а собственные рассуждения составителя ПВЛ о Кие. Т. е. эта фраза приходится как раз на место «шва», каковыми размашисто кроил летописное «полотно» составитель ПВЛ. Было бы как раз совершенно естественным, что неподходящая ему по замыслу и общей идее фраза тут и была опущена. То, что она явно не подходила, признает и сам А.А. Гиппиус, отмечая «полянский патриотизм» ПВЛ. Добавим к этому и прорицание апостола Андрея о рас-

¹⁰² Гиппиус А.А. Два начала. С. 79.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 9.

¹⁰⁴ Гиппиус А.А. Два начала. С. 85, примеч. 25.

цвете христианства «на горах сих», которое приводится летописцем чуть выше в рассказе о путешествии апостола по Днепру. Изначальная неорганичность замечания о язычестве полян в этом контексте чувствовалась бы еще сильнее.

Впрочем, все это рассуждения общего характера. Куда важнее тот факт, что все-таки отзвук этой фразы обнаруживается во «Введении» ПВЛ. Уже в конце «Введения» летописец описывает языческие обычаи славянских «племен» и завершает это описание следующим образом: «си же творяху обычая кривичи и прочии погани, не вѣдуще закона Божия, но творяще сами собе закон». Совпадение слов «прочии погани» и само положение их в заключении смыслового отрывка (далее следует обширная вставка из Хроники Георгия Амартола о «законе») отсылает нас к выпавшей, но, очевидно, известной составителю ПВЛ, фразе о «поганстве» полян. Описание языческих обрядов кривичей и прочих «племен» подсказывает и еще одну причину, почему сводчик ПВЛ опустил эту фразу. В описании он ведет речь об обычаях брачных и похоронных, но не о почитании озер, колодцев и растительности, как в том фрагменте, совпадающем с «Речью Философа», — очевидно, об этом ему ничего известно не было, и поскольку он занялся специально вопросом о поганских нравах древних славян, он просто удалил этот противоречащий фрагмент, хотя и использовал потом один его элемент (слова «прочии погани»). Таким образом, то обстоятельство, что фраза, вставленная в первоначальный текст на некотором этапе начального летописания, на очередном этапе правки была исключена, является совпадением. Но в этом совпадении нет ничего такого уж удивительного и невозможного: именно вставной и неорганичный характер этой фразы и стал причиной ее сложной судьбы. Да в конце концов, не допускает ли и сам А.А. Гиппиус такую «зигзагообразную» судьбу текстов для того раздела «Начальной летописи», которому он и посвятил свою статью?

Наконец, *the last but not the least*, надо отметить, что удаление фразы в ПВЛ не стало последним «зигзагом» ее судьбы. В летописях, отразивших «Новгородско-Софийский свод», эта фраза стоит на полагающемся ей месте в конце рассказа об основании Киева, хотя сам этот рассказ передан уже внутри «Введения» ПВЛ, целиком скопированного в «Новгородско-Софийский свод»¹⁰⁵. Здесь возможны два объяснения: либо составитель «Новгородско-Софийского свода» использовал ПВЛ в какой-то (ранней) редакции, где эта фраза еще не

¹⁰⁵ПСРЛ. Т. 5. С. 4; Т. 42. С. 22.

была удалена, либо он контаминировал летопись типа НПЛ мл. (новгородскую владычную летопись) с ПВЛ. Поскольку рассказ передается уже внутри «Введения» ПВЛ, первый вариант представляется более естественным, не говоря уже о том, что трудно придумать причину, почему бы летописцу XV в. вдруг так понравились эти слова, что, не видя их в летописи, содержащей ПВЛ, он аккуратно скопировал их из летописи типа НПЛ мл. В этом случае не может быть уже никаких сомнений, что составитель первоначальной редакции ПВЛ опирался именно на НСв, а не на какую-то предшествующую летопись, и удалена фраза была одним из редакторов ПВЛ. Схема А.А. Шахматова, обращавшего внимание на отличия ПВЛ по «Новгородско-Софийскому своду» от других списков ПВЛ, предусматривала такую возможность: она бы объясняла удаление фразы как правку «2-й редакции» ПВЛ.

Некоторым косвенным текстологическим аргументом в пользу тезиса о контаминации НСв и «свода 1072 г.» в ПВЛ может быть предложение А.А. Гиппиуса «состыковать» слова «Введения» ПВЛ «и тако разыдеся словѣньскыи языкъ» и первые слова статьи 6362 г. НСв «и живяху къждо с родъмь своимь на своихь мѣстѣхъ и странахъ...». Если думать, что во введении к «своду 1072 г.» читался рассказ о расселении народов именно в том виде, как он читается сейчас в ПВЛ, в том числе и с этими словами о «словенском языке», то тогда получается, что сводчик ПВЛ и копировал именно введение к «своду 1072 г.», поскольку оно отсутствует в НСв (= НПЛ мл.). Однако, хотя это и возможный, но всего лишь *один из* возможных вариантов развития событий. Дело в том, что, хотя фраза «и живяху къждо с родъмь своимь на своихь мѣстѣхъ и странахъ» бесспорно отсылает к сюжету о расселении народов, в качестве ее начала можно подобрать самые разные слова как из «Введения» ПВЛ, так из других произведений, где в том или ином виде излагается этот сюжет¹⁰⁶. Совершенно необязательно, например, предполагать, что в «своде 1072 г.» должно было что-то читаться о расселении именно славян (в соответствии с той вставкой, которую мы видим в ПВЛ о расселении славян и к которой А.А. Гиппиус и «привя-

¹⁰⁶Иметь в виду надо, прежде всего, конечно, хронографические источники, но не обязательно только их — тот же рассказ о разделе Ноевых братьев по «жеребьям» происходит, как выяснено, из апокрифической «Книги юбилеев», соответствующий отрывок которой читается и в Изборнике 1073 г. (28 ответ Анастасия Синаита), см.: *Franklin S. Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers. N.S. 1982. Vol. XV.* Хотя С. Франклин и О.В. Творогов и допускают, что «Книга юбилеев» могла отразиться в «Хронографе по великому изложению» или каком-то подобном (Там же. С. 10; Летописец Еллинский. Т. 2. С. 140–141), но это всего лишь чисто абстрактное предположение, потому что начало этого Хронографа по сохранившимся памятникам не восстанавливается.

зывает» фразу статьи 6362 г.) — вполне достаточно было бы сообщения, основанного на некоем источнике, о разделе сыновей Ноя и «размешении языцев» после вавилонского столпотворения. Не случайно последние слова рассказа ПВЛ о вавилонском столпотворении¹⁰⁷ тоже прекрасно подходят в качестве начала обрубленной фразы статьи 6362 г. НПЛ мл., ср.: «по размѣшенъи же столпа и по раздѣленъи языкъ приаща с(ы)н(о)ве Симови вѣсточныя страны, а Хамови с(ы)н(о)ве полуденьныя страны, Афетови же приаща западь и полунощныя страны / и живяху къждо съ родомъ своимъ...» и т. д. Если же признавать, что вводные замечания к «своду 1072 г.» восходили к такого рода источнику, то уже нет никакой необходимости считать, что составитель ПВЛ опирался не на тот же или аналогичный источник, а непосредственно на «свод 1072 г.».

Трудно судить о содержании введения к «своду 1072 г.» хотя бы просто потому, что неясны содержание и направленность самого свода. Много трудностей с библейскими, хронографическими и другими источниками НСв и ПВЛ. Крайне сложна структура «Введения» ПВЛ. В этой ситуации допущения о контаминации в ПВЛ текстов предшествующих летописных сводов могут быть только чисто теоретическими. Но даже и в случае, если признать, что составитель ПВЛ, действительно, в недатированном «Введении» использовал введение «свода 1072 г.», из этого совершенно не следует, что на протяжении остального текста он должен был продолжать переписывать эту летопись. Как раз наоборот, логичнее предполагать, что, перейдя к датированной части, он предпочел бы опираться на НСв, а не на «свод 1072 г.» по той простой причине, что в последнем, по всей видимости, еще не было хронологической сетки, а в первом она уже была. Хотя, как мы видели, составитель ПВЛ предложил свои собственные расчеты хронологии древнейших событий, в каких-то датировках он явно опирался на НСв (начиная с даты смерти князя Игоря, 6453 г., и до статьи 6523 г. большинство дат НПЛ мл. и списков ПВЛ вообще совпадают) или по крайней мере исходил из похожих принципов (например, привязывая «начало» руси к правлению императора Михаила).

Таким образом, у нас нет препятствий не только для того, чтобы считать текст НСв первичным по отношению к ПВЛ, но и для того, чтобы утверждать, что составитель ПВЛ в тексте, следующем за недатированным «Введением» и снабженным хронологической сеткой, не использовал никакие другие летописные источники, кроме НСв. По

¹⁰⁷ПСРЛ. Т. 1. Стб. 5.

крайней мере, это можно утверждать относительно статей ПВЛ за 6360–6390 гг. Эти выводы заставляют теперь оценивать место Сказания в «Начальной летописи» принципиально иным образом, поскольку в НСв оно находится совершенно в другом контексте, нежели чем в ПВЛ, причем именно этот контекст и оказывается более близким к древнейшей летописи. В ПВЛ Сказание было вырвано из связного и сравнительно обширного повествования, составившего статью 6362 г. в НПЛ мл., и поставлено в отдельную годовую статью. Между тем это повествование, как легко увидеть даже из беглого знакомства со статьей НПЛ мл. 6362 г., имело свою логику, и Сказание было его органичным элементом. Встает вопрос, каким образом можно представить эту логику и каким образом следует оценивать суть Сказания в контексте этого повествования?

Разумеется, ответ на этот вопрос сильно затруднен тем обстоятельством, что текст статьи 6362 г. НПЛ мл. даже в случае, если признать его прямым отражением НСв, явно несет следы редакционного вмешательства, а значит, не является первоначальным. Такие следы легко разглядеть, например, во вставном рассказе о походе руси на Царьград при императоре Михаиле и «матери его» Ирине. Этот рассказ происходит из Хроники (Продолжателя) Амартола, и в НСв попал из какого хронографического источника, которым пользовался составитель НСв¹⁰⁸. Вставной характер этого фрагмента ясен и из получившегося разрыва связного изложения истории полян, и из-за немотивированного упоминания руси, о которой выше ничего не говорилось.

Согласно выводам упоминавшейся выше работы А.А. Гиппиуса, которые развивают, но в то же время и корректируют наблюдения А.А. Шахматова и других ученых, переработка составителем НСв предшествующих летописей включала внесение хронологической «сетки» в до тех пор недатированный текст, а также заголовков о «княжениях» представителей династии Рюриковичей. А.А. Гиппиус связывает эти изменения с обращением составителя НСв к хронографическому источнику, откуда были почерпнуты также рассказы о нападениях руси на Царьград в правление Михаила (в статье 6362 г.) и Романа (статья 6428 г.). «Обе инновации неотделимы одна от другой, — справедливо замечает автор, — поскольку сами первые даты, 6362 и 6428, имеют хронографическое происхождение». Заголовки, в том числе и заголовок статьи 6362 г. «Начало земли Руской», имеют прямые аналогии в хронографах (ср. «Начало царства Царяграда»),

¹⁰⁸Ср. выше примеч. 36 с указанием литературы о Хронике и хронографическом источнике НСв.

«Начало царства крестьянского» и т. п.). По смыслу заголовок статьи 6362 г. хорошо укладывается в «имперско-эсхатологическую перспективу» НСв¹⁰⁹. В совсем недавней работе А.А. Гиппиус также подтверждает наличие вставки, читаемой в тексте НПЛ мл., в некий первоначальный рассказ о «хазарской дани». Этот рассказ, согласно выводам исследователя, имел изначально совсем не тот смысл, который придала ему эта вставка и с которым обычно он воспринимается современными учеными. Оригинальный смысл этого сюжета состоял в том, чтобы рассказать не о подчинении полян хазарам, а, напротив, о том, как первые смогли дать отпор претензиям вторых на господство¹¹⁰.

Очевидны также следы порчи первоначального текста в тех местах, которых я уже успел коснуться выше, анализируя соотношение НСв и ПВЛ, — во фрагменте о «прозвании» руси от варяг, а также в рассказе о захвате Киева Игорем и Олегом. А.А. Шахматов, а вслед за ним и другие ученые обращали внимание на разного рода несоответствия по тексту НПЛ мл. в списке тех народов, которые, согласно Сказанию, «призвали» варягов «княжить и владеть»¹¹¹. Трудности возникают и в некоторых других местах статьи 6362 г. НПЛ мл. Если придерживаться принципов реконструкции начального летописания, заложенных А.А. Шахматовым, все это надо считать свидетельством того, что НСв предшествовали другие летописи и что некий первоначальный текст, который просматривается в статье 6362 г. НПЛ мл., был существенно осложнен и искажен правкой, по крайней мере, составителя НСв, а вполне вероятно, и каких-то редакторов, работа которых предшествовала его работе. В отсутствии возможностей сравнения независимых летописных традиций этот оригинальный текст с трудом поддается выявлению, и трудно найти здесь надежные опоры для исторических интерпретаций.

Тем не менее, несмотря на эти вставки и вмешательства позднейших редакторов в первоначальную летопись, текст статьи 6362 г. НПЛ мл. позволяет, на мой взгляд, представить, хотя бы приблизительно, общий смысл того ее отрезка, который вошел в статью 6362 г. НПЛ мл. и включил Сказание. Для такого понимания этой части «Начальной летописи» многое может дать сравнение сюжетов и идейного содержания Сказания и текстов, непосредственно с ним связанным в

¹⁰⁹ Гиппиус А.А. Два начала. С. 78–79, 81.

¹¹⁰ Гиппиус А.А. К хазарской дани // ВЕДС. XXIII. М., 2011. С. 49–55. Ср. наблюдения А.В. Коптева, соответствующие выводам А.А. Гиппиуса: Коптев А. The Story of “Chazar Tribute”: A Scandinavian Ritual Trick in the Russian *Primary Chronicle* // Scando-Slavica. 2010. Vol. 56, N 2. P. 189–212.

¹¹¹ Шахматов А.А. Сказание. С. 203–204.

рамках статьи 6362 г., с аналогичными произведениями в средневековой литературе Европы.

Сравнение Сказания и его летописного контекста с литературными памятниками и преданиями устно-фольклорного характера в других культурах уже предпринималось в историографии, и были выявлены самые разные сходства и параллели. Едва ли не каждому сюжету летописания до конца X в. (а также многим мотивам и образам и в последующем летописании) находится та или иная аналогия, нередко в скандинавской традиции, но далеко не только в ней — и в славянской, и западноевропейской, и в античной, и в восточной (даже если оставить в стороне «библейзмы») ¹¹². Разумеется, все эти многочисленные совпадения нельзя толковать как случайности. Образные и сюжетные аналогии древнерусского летописания и произведений или преданий других культурных традиций иногда можно расценивать как прямые или не прямые заимствования, иногда как «бродячие» топосы и сюжеты, иногда как литературные формы, возникшие независимо в схожих культурно-исторических условиях. Так или иначе, историческая информация проходила определенную обработку при «встраивании» и «прилаживании» к неким ментальным, культурным, идеологическим и литературным моделям. Такие модели в средневековой историографии в самом деле выявляются, побуждая ученых говорить о «мифологизации истории» ¹¹³. Главным образом, речь идет о фольклорных и идеологических моделях, из которых наиболее известные и неоднократно исследованные на разных материалах — эпонимическая модель в фольклоре и династическая в литературе и историографии ¹¹⁴.

На мой взгляд, яркие аналогии, которые позволяют понять смысл Сказания и его связь с «соседствующими» с ним летописными текстами, обнаруживаются в сочинениях, которые в науке условно объединяют в жанр «*Origo gentis*». Эти сочинения, сохранившиеся в раз-

¹¹² Наиболее полный обзор этих аналогий представлен в работе: Рыдзевская Е.А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования). М., 1978. С. 159–236.

¹¹³ Ср.: Banaszkiwicz J. Podanie o Piascie i Popielu. Studium porównawcze nad wczesnośredniowiecznymi tradycjami dynastycznymi. Warszawa, 1986. S. 13 (развивая мысль М. Элиаде).

¹¹⁴ См., например, обсуждение и этих, и других моделей: Kersken N. Geschichtsschreibung im Europa der «nationes» // Nationalgeschichtliche Gesamtdarstellungen im Mittelalter. Köln etc., 1995. S. 791–821. На раннесредневековом славянском материале: Тржешиук Д. Славянские этногенетические легенды и их идеологическая функция // Раннефеодальные славянские государства и народности (Проблемы идеологии и культуры. Sofia, 1991. С. 35–42). (Studia balkanica; 20); Třešník D. Mýty kmene Čechů (7.–10. století). Tři studie ke «Starým pověstem českým». Praha, 2003; Banaszkiwicz J. Polskie dzieje bajeczne mistrza Wincentego Kadłubka. Wrocław, 2002.

ных историографических традициях Европы, призваны были рассказать о происхождении (*origo*) того или иного народа (*gens*). Интерес к истории того или иного народа вызывался, разумеется, тем, что он оказался способным создать некое политическое объединение, достаточно сильное и известное для того, чтобы о его истории специально рассказывать. Отмечая истоки «жанра» в античной литературе, обычно открывают ряд средневековых *Origines gentium* историей готов Иордана-Кассиодора (середина VI в.), а заключают рассказом Саксона Грамматика о происхождении данов (конец XII в.). Создавались эти произведения сходным образом: как позднейшая реконструкция событий на основе преимущественно устной традиции, но также литературно-книжных сведений и представлений и даже вещественно-документальных свидетельств. Во многом аналогичны были и исторические условия, вызывавшие их к жизни¹¹⁵.

В западной медиевистике нескольких последних десятилетий активно исследуются и обсуждаются эти *Origines gentium*, отчасти в связи с интересом к вопросам этногенеза раннесредневековых народов Европы, отчасти в русле «нарративно»-«герменевтического» подхода. Большую роль здесь сыграли работы немецкого историка Р. Венкуса и австрийского историка Х. Вольфрама, а позднее стимул этим исследованиям придало выступление американского историка У. Гоффарта, который высказал сомнения не только в исторической достоверности этих повестей, но и в их важности для становления «национального» самосознания в Средние века и даже в самом существовании жанра — по его мнению, все эти повести — не более чем поучительно-развлекательная литература, где-то с сатирическими элементами, где-то больше напоминающая любовный роман и т. п.¹¹⁶ Между У. Гоффартом, его учениками и последователями («Йельская школа»), и Х. Вольфрамом и другими учеными «Венской школы», развивавшими подход Р. Венкуса, развернулась дискуссия. Кажется, сегодня эта дискуссия уже зашла в тупик, потому что, несмотря на известную ценность «критического заряда», который несут высказывания и наблюдения У. Гоффарта и его учеников, его «школа» в целом не смогла предложить нечто позитивное в осмыслении *Origines*. Р. Венкус и Х. Вольфрам, безусловно, правы в том, что произведения этого

¹¹⁵См. детальный обзор источников, литературы и исследовательских проблем в статье под редакцией Х. Вольфрама: «*Origo gentis*» // *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. В.; N.Y., 2003. Bd. 22. S. 174–210.

¹¹⁶См.: *Goffart W. The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon*. Princeton, 1988.

«жанра» вносили важный вклад в процессы этнической и политической (само-)идентификации народов средневековой Европы, а также легитимизации их политических образований, и что где-то и в чем-то они могут отражать реальные исторические процессы и даже события. Из этого не следует, что надо принимать все сообщения *Origines* за чистую монету, не учитывая их опоры на устную и литературную традиции, их тенденциозности и т. д. — отрицать эти факторы никому сегодня и не придет в голову¹¹⁷.

В недавнем сравнительно-литературном исследовании немецкого историка А. Плассмана наиболее известные произведения этого «жанра» Западной Европы были сопоставлены с «Польской хроникой» Галла Анонима и «Чешской хроникой» Козьмы Пражского¹¹⁸. Исследовательница выделяет два «топоса», которые оказываются в тех или иных форме и мере общими практически для всех *Origines*: во-первых, приход (переселение) народа на ту территорию, которую он занимал в момент составления истории, и, во-вторых, некоторый «первоначальный акт-подвиг» (*primordiale Tat*), который народ или его лучшие представители должны были совершить для окончательного «обретения родины» — преодоление каких-то препятствий, успешная битва или поединок, часто с применением особой хитрости и даже предательством или преступным нарушением законов чести и гостеприимства, и т. п. Во всех из них в той или иной форме обнаруживают свое действие также механизмы самоидентификации и — легитимизации. Как правило, это противопоставление «своего» народа неким (агрессивным)

¹¹⁷ Ср., например, высказывания того же Вольфрама: «The tribal sagas are not chronologically and historically reliable records. They had been subject to the ever-changing oral tradition until they, or rather fragments of them, came to be written down. When this happened, if at all, tribal sagas became literature following the antique genre *origo gentis* with all its traditions, topoi, and biases» (*Wolfram H. Origo et religio. Ethnic traditions and literature in early medieval texts // Early Medieval Europe. 1994. Vol. 3, part I. P. 26*). В последнее время много шума наделали работы одного из учеников В. Гоффарта Ф. Курты, который попытался применить подход своего учителя к славянским (преимущественно южнославянским) материалам. Как часто бывает, там, где много шума, на проверку оказывается мало толку — основные идеи и аргументы Ф. Курты не выдерживают критики. См. обсуждение его книги (*Curta F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge; New York, 2001 [Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series]*) в российском издании: *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2 (4)*, особенно в статье С.А. Иванова «„В тени юстиниановых крепостей“? Ф. Курта и парадоксы древнеславянской идентичности» (С. 5–12).

¹¹⁸ *Plassmann A. Origo gentis. Identitäts- und Legitimitätsstiftung in früh- und hochmittelalterlichen Herkunftserzählungen. В., 2006*. Исследовательница в целом исходит из взвешенных оценок в духе Х. Вольфрама, отмежевываясь от «постмодернистских» крайностей В. Гоффарта и предлагая небольшой, но ценный историографический обзор дискуссий вокруг *Origo gentis* — понятие, литературные черты, оценка исторической достоверности и т. д. (С. 13–27).

соседям (или тем, кто первоначально жил на «обретенной родине»), поиск и обретение народом своего имени, некие фигуры — носители идентичности (первопредки, основатель правящей династии или она сама в целом и т. д.) и др.¹¹⁹

Древнерусская «Начальная летопись», помимо естественного для большинства *Origines* прославления своих предков (ср. в летописи: «мудры и храбры» и т. п.), содержит по крайней мере два характерных и общераспространенных мотива: приход-переселение и обретение имени. Оба мотива не только присутствуют в Сказании (приход варягов и «прозвание» русью), но и, что очень показательно, развиваются с эволюцией летописания (в одной интерпретации в НСв, в другой — в ПВЛ) — очевидно, потому, что их главный смысл — установление этнополитической идентификации — задевал каждого нового редактора-летописца и подталкивал его к собственным высказываниям и правке. Однако внутри всей группы *Origines* выделяются несколько таких, которые со Сказанием объединяют дополнительные черты сходства. Эти черты связаны с развитием сюжета переселения: дополнительно указывается, что приход-переселение возглавляли несколько братьев и что переселение произошло в результате добровольного призвания одним народом другого. Об этих сходствах много писалось¹²⁰, и именно здесь было отмечено самое яркое совпадение Сказания с произведением иной культурной традиции. Имеется в виду почти дословное соответствие призыва, с которым словене с прочими «племенами» обратились к варягам, тому приглашению, которое отправили, согласно «Деяниям саксов» Видукинда Корвейского, бритты саксам, ср.: «земля наша велика и обилна, а наряда у нас нѣту; да поидѣте к намъ княжить и владѣть нами», «*terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam vestrae mandant ditioni parere*» («обширную и бескрайнюю свою страну, изобилующую разными благами, [бритты] готовы вручить вашей власти»)¹²¹.

¹¹⁹ Там же. S. 360–369.

¹²⁰ Больше всего материала обобщил К.Ф. Тиандер, который, правда, трактовал его несколько односторонне. Он пытался выявить особое архаическое «переселенческое сказание» скандинавского происхождения, отражение которого находил в самых разных произведениях средневековой литературы (*Тиандер К.Ф.* Скандинавское переселенческое сказание // *Тиандер К. [Ф.] Датско-русские исследования*. Пг., 1915. Вып. III. [Зап. Историко-филологич. Ф-та имп. Петроградского ун-та. Ч. СХХIII]). Сегодня ясно, что указание многих *Origines* на происхождение того или иного народа из Скандинавии — «литературный мотив» (за которым лишь в редких случаях может стоять и некая реальность), см.: *Wolfram H. Origo et religio. Ethnic traditions*. P. 26–28.

¹²¹ *Widukind I. VIII // Widukindi monachi Corbeiensis Rerum gestarum Saxoniarum libri tres / Die Sachsen-geschichte des Widukind von Korvei. Fünfte Auflage in Verbindung mit H.-E. Lohmann neu*

В литературе предпринимались разные попытки объяснения этой известной параллели, но те из них, которые предполагают более или менее случайное совпадение, пускай в рамках неких типологически сходных и родственных форм, малоубедительны. Так, высказывалась идея о сходных «политических условиях», репродуцирующих похожие литературные формы¹²², или мысль о некоем «общем эпическом фонде „переселенческих сказаний“», который сформировался в эпоху Великого переселения народов»¹²³. Указывалось на то, что Видукинд использовал в этом пассаже библейские выражения¹²⁴. Однако, если учитывать аналогию между двумя произведениями в сюжете и отсутствие какого-либо библейского подтекста в летописи, совершенно ясно, что такого рода дословные совпадения в совершенно аналогичном контексте могут быть объяснены только либо как прямые заимствования, либо как передача одного и того же вполне определенного источника. Заимствование отпадает, т. к. у нас нет никаких оснований предполагать знакомство древнерусского летописца с сочинением Видукинда (писавшего в конце 960-х — начале 970-х гг.). Очевидно, надо вести речь об их общем источнике. Вряд ли это был какой-то письменный текст¹²⁵. Видукинд опирался на письменные источники, в том числе в рассказе о заселении саксами Британии делал заимствования из «Церковной истории народа англос» Беды Достопочтенного (731 г.), который в свою очередь опирался на сочинение Гильды Пре-

bearbeitet von Paul Hirsch. Hannoverae, 1935 (MGH. Scriptorum. Bd. 60). S. 9; *Видукинд Корвейский*. Деяния саксов / Перевод Г.Э. Санчука. М., 1975. С. 68.

¹²² *Рыдзевская Е.А.* К вопросу об устных преданиях. С. 166.

¹²³ Такую мысль высказывает В.Я. Петрухин: *Петрухин В.Я.* Становление государств и власть правителя в германо-скандинавских и славянских традициях: аспекты сравнительно-исторического анализа // *Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья*. М., 2009. С. 104. Что это за «эпический фонд» и почему и как из него «выдергиваются» только определенные сюжеты и мотивы, автор никак не разъясняет.

¹²⁴ На этом делает акцент автор недавней работы, где обращается внимание на интересную параллель в сюжете призвания между древнерусской летописью и древнеирландской легендой о происхождении ирландских королев, изложенной в произведении под названием «Поучение Морана» (*Николаев Д.С.* Легенда о призвании варягов и проблема легитимности власти в раннесредневековой историографии // *Именослов. История языка. История культуры*. М., 2012. С. 188–189). Увлеченный анализом обнаруженной им параллели, Д.С. Николаев объявляет, что ни одна из предложенных ранее в историографии «параллельных версий легенды о призвании варягов не является параллельной в сколько-нибудь точном смысле слова». В отсутствие хоть какого-то разбора этих других «версий» вывод представляется голословным и поспешным. А между тем, прежде чем сопоставлять «Поучение Морана» с летописью, автору следовало бы объяснить хотя бы его соотношение с другой ирландской легендой, изложенной у Гиральда Камбийского, — о призвании «остманов» (см. ниже).

¹²⁵ Такое предположение выдвинул В.А. Пархоменко, но оно так и осталось ничем не подкрепленной гипотезой (*Пархоменко В.А.* К вопросу о «норманнском завоевании» и происхождении Руси // *Историк-марксист*. 1938. № 4. С. 107–108).

мудрого (середина VI в.). Но в рассказе Видукинда есть существенные отличия от изложения сюжета Бедой, не находящие аналогий и в других памятниках¹²⁶. С другой стороны, вся стилистика Сказания и окружающего его повествования не дает ни малейшего намека на то, что автор древнейшей летописи располагал какими-то письменными источниками, а напротив, заставляет думать, что он опирался на устную традицию. За последние полтора столетия в науке не были приведены какие-то соображения, не позволившие бы согласиться с А.А. Куником, который, впервые в русскоязычной историографии обратив внимание на эту параллель, определял общий источник Видукинда и летописи как некую «северо-западную сагу»¹²⁷.

Тезис об этом общем источнике можно подкрепить другими косвенными соображениями. Во-первых, если отодвигать создание Сказания к началу XI в., то оказывается, что его автор вполне мог быть младшим современником Видукинда; но во всяком случае их разделяло едва ли более полувека. Пространство, разделяющее авторов, не могло быть преградой для фольклорно-литературных связей. Корвейское аббатство на реке Везер в Нижней Саксонии (сегодня в границах земли Северный Рейн-Вестфалия ФРГ) имело давние и тесные связи с Севером. Достаточно указать на то, что у истоков аббатства стоял святой Ангарий, просветитель Скандинавии. Влияние скандинавов при киевском дворе и в X в., и в правление Ярослава, как хорошо известно, было очень значительным, но нелишним будет здесь напомнить о политических связях Руси и северной Германии (Нижней Саксонии) в XI в.¹²⁸

Во-вторых, в литературе было указано на то, что мотив добровольного призвания был присущ не только «Церковной истории» Беды и «Деяниям саксов» Видукинда, но и по крайней мере еще трем произ-

¹²⁶Рассказ Беды см.: *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англов / Перевод В.В. Эрлихмана. СПб., 2001. С. 21. Известие Гильды совсем краткое, и из исторических деталей упоминаются только сам факт добровольного призвания бриттами саксов и прибытие саксов на трех кораблях (*Гильда Премудрый*. О гибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / Перевод, вступ. статья и примеч. Н.Ю. Чехонадской. СПб., 2003. С. 265–266).

¹²⁷*Куник А.А.* Несторово сказание о призвании Варяго-Руссов, объясняемое сказанием о призвании Англо-Саксов // Зап. имп. Академии наук. СПб., 1864. Т. VI [Книжка I–II]. Приложение № 2: *Погодин М.[П.]* Г. Гедеонов и его система происхождения Варягов и Руси, [с замечаниями С. Гедеонова и А. Куника]. С. 63. Справедливости ради надо заметить, что первенство в этом наблюдении принадлежит не ему, а польскому историку Вацлаву Александру Мачеевскому (Мачеевскому): *Maciejowski W.A.* Pierwotne dzieje Polski i Litwy zewnętrzne i wewnętrzne. Warszawa, 1846. S. 34. А. Куник на В. Мачеевского не ссылался.

¹²⁸*Назаренко А.В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX — середина XIII в.): Состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. II, кн. 1: Киевская и Московская Русь.

ведениям, отсылающим уже к норманнам¹²⁹. Два из них были тесно связаны друг с другом и рассказывали об одном и том же: монахи итальянского монастыря Монтекассино Амаат из Монтекассино (*Amatus Casinensis* или *Amatus de Montecassino*) и Лев Остийский (*Leo Ostiensis* или *Leo Marsicanus*) писали в конце XI в. в своих хрониках о появлении норманнов в городе Салерно в начале XI в.¹³⁰ Третье произведение «История и топография Ирландии (*Topographia Eibernica*)» принадлежало перу Гиральда (Геральда) Камбрийского (*Giraldus Cambrensis*), который, находясь в Уэльсе, в 1188 г. описывал завоевание норвежцами («остманами») Ирландии. Помимо добровольного приглашения норманнов местными жителями (горожанами Салерно под предводительством Гвемара III или ирландцами, соответственно) в их процветающую страну, у монтекассинских монахов и Гиральда говорится также о нескольких братьях, пришедших по приглашению. Рассказ Гиральда более всех похож на древнерусское Сказание (Ирландия у него называется «прекрасной страной» (*terram optimam*), названы три брата и три города, ими основанные и др.). В русском переводе он выглядит так: «О прибытии остманов. Прошло немного времени, и из Норвегии и северных островов потомки тех, кто остался от прежних переселенцев, то ли каким-то неведомым образом, то ли из рассказов своих предков узнавшие об этой прекрасной стране, прибыли на остров уже не с военным флотом, но на торговых кораблях. Тут же заняв морские гавани Ирландии, с согласия правителей страны они возвели там несколько городов. А поскольку народу ирландцев присуща, как мы говорили, врожденная праздность в сочетании с полным нежеланием плавать по морю или утруждать себя торговлей, то с общего

¹²⁹Ср. уже у Шлёцера: *Шлёцер А.Л.* Нестор. С. 349 и сл. Ср. подробно: *Tuander K.Ф.* Скандинавское переселенческое сказание. С. 26–27, 59–63; *Stender-Petersen A.* Die Varägersage. S. 63–65.

¹³⁰Лев Остийский писал свою хронику, как предполагают, около 1099–1103 гг., и она сохранилась в оригинале. См. эпизод приглашения (II, 37) по лучшей публикации: *Chronica Monasterii Casinensis / Die Chronik von Montecassino / Hrg. von H. Hoffmann.* Hannoverae, 1980. S. 237 (MGH. Scriptores. T. XXXIV). Лев опирался на труд Амата. Хроника Амата сохранилась только в переводе на старофранцузский язык XIV в., который местами передавал оригинальный текст с существенными искажениями, но, видимо, рассказ о приглашении норманнов в Салерно был передан адекватно. См. этот рассказ (I, 19) в переводе Хроники на английский язык с необходимым научно-справочным аппаратом: *Amatus of Montecassino. The History of the Normans / Translated by P.N. Dunbar, revised with introd. and notes by G.A. Loud.* Woodbridge, 2004. P. 50. Как доказывает издатель перевода Г.А. Лауд, Амаат сам происходил из Салерно и писал между 1078 и 1086 гг., скорее около 1080 г. (*Ibid.* P. 11). В рассказе о норманнах в изложении Льва присутствует отсылка к одному эпизоду «Истории лангобардов» Павла Диакона (см.: *Historia Langobardorum*, II, 5), но влияние последней не затронуло самого сюжета оригинального рассказа, заимствованного, по всей видимости, из Амата.

согласия всего королевства они сочли полезным допустить в некоторые области своей страны какой-нибудь другой, способный взяться за это народ, чье основное занятие — торговать с разными странами. Их предводителями были три брата, а именно Олаф, Сигдрик и Ивар. Сначала они возвели три города: Дублин, Уотерфорд и Лимерик. В Дублине стал править Олаф, в Уотерфорде Сигдрик, в Лимерике — Ивар. И понемногу с течением времени от них пошло строительство городов по всей Ирландии»¹³¹.

Если у Гиральда можно еще подозревать ориентацию на рассказ о призвании бриттами англосаксов у Беды (хотя речь идет о разных народах и событиях, и детали расходятся)¹³², то итальянцы уж точно опирались на независимые источники. Надо объяснить совпадение мотивов в этих разных произведениях тем, что в основе их лежали устные сказания, распространенные в среде норманнов и составленные по одному типу.

Таким образом, древнерусское Сказание излагает мотив переселения в такой версии, какой находятся аналогии у германских народов Севера Европы и в среде норманнов, осевших в разных местах Европы (переселение народа во главе с несколькими, как правило, тремя, братьями по приглашению другого народа). По-видимому, эта версия общераспространенного мотива возникла в Северной Европе (первую ее фиксацию в письменности можно возводить к середине VI в.), а затем с экспансией норманнов распространилась там, где были значительными их присутствие и влияние. В известных на сегодняшний день письменных изложениях этого предания переселяются, получив приглашение, англо-саксы, норвежцы и норманны из Нормандии (по происхождению это были, видимо, в основном датчане и норвежцы). Варяги, призванные словенами, вполне вписываются в этот ряд (археология и лингвистика свидетельствуют, что скандинавы, расселившиеся на Восточноевропейской равнине в IX–X вв., в том числе и в Поволховье, происходили преимущественно из восточной Швеции). Одна яркая аналогия, собственно текстуальное совпадение — указание на обширность и плодород-

¹³¹ *Giraldus*. *Topographia Hibernica*, *Distinctio III*, [Cap. XLIII]: *De Ostmannorum adventu*: Giraldi Cambrensis *Topographia hibernica* // Giraldi Cambrensis opera / Ed. by J.F. Dimock. L., 1867. Vol. V. P. 186–187; *Гиральд Камбрийский (Уэльский)*. *Топография Ирландии* (отрывки из части III) // *Хроники длинноволосых королей / Перевод с лат., статьи, сост. Н. Горелова*. М., 2006. С. 238–239.

¹³² Такие подозрения высказывает В.Я. Петрухин в мельком брошенном замечании, не подкрепленном, впрочем, никакими доводами: *Петрухин В.Я.* Становление государств. С. 89, примеч. 16.

ность земли в Сказании и «Деяниях саксов» — заставляет предполагать, что автор Сказания использовал то предание, какое отразилось у Видукинда, или очень близкое ему. Возможно, это было то же предание об англо-саксах, но может быть, и какое-то другое, где речь шла о приглашении и переселении другого народа, которое сначала Видукинд приспособил к своему рассказу, а затем и древнерусский автор (или кто-то в его среде) к своему. Но факт состоит в том, что в обоих произведениях явно просматривается одна фольклорно-нарративная модель и что эта модель «северогерманского» происхождения.

В данном случае я ограничусь только одним главным выводом из этих наблюдений, а именно — сам по себе сюжет призвания по добровольному приглашению не оригинален, и его распространенность и повторение в разных условиях и применительно к разным народам говорят о его «модельно-архетипическом» характере, а значит — легендарности. Видеть в нем отражение реальных событий было бы, по меньшей мере, наивно — ведь никто же не воспринимает всерьез, например, решение «всего королевства» Ирландии пригласить «остманов» для торговли и строительства городов. Да и о какой реальности может идти речь, если просто вдуматься в слова об «обилии» земли словен и вспомнить природно-климатические условия Новгородской земли, всегда страдавшей от недостатка хлеба и находившейся под угрозой голода — воспринятые буквально, эти слова звучат едва ли не насмешкой. Разумеется, легендарность *сюжета* не исключает достоверности отдельных фактов, изложенных *с его помощью* или рядом, но вне прямой связи с ним, — но совершенно неоправданно было бы выстраивать с опорой на текст Сказания теорию некоего договора между туземцами и пришельцами, как это делают некоторые современные ученые (см. выше в обзоре историографии).

В сопоставлении Сказания с другими *Origines* надо обратить внимание еще на один из результатов исследования А. Плассманн. Как показано в ее работе, второй выделенный ею «топос» (после «топоса» переселения) — «первоначальный подвиг» — в *Origines* часто представляется в виде рассказа о победе благодаря хитрости, особенно военной (ср., например, у того же Видукинда о победе саксов над тюрингами). Между тем этот сюжет мы находим и в древнерусской летописи в повествовании, сразу следующем за Сказанием, — с помощью хитрости Игорь взял Киев. Самому приему, примененному Игорем (скрытие воинов тем или иным образом и выдача себя за мирных людей), находятяся разные аналогии и в истории, и в литературе

(начиная с Троянского коня)¹³³. Отмечая это обстоятельство как еще одно свидетельство в пользу в целом легендарного характера начала летописного повествования, я хотел бы в данном случае подчеркнуть значение этой параллели для понимания замысла и композиции всего этого повествования. Обычно историки, вслед делению первоначального текста по годовым статьям в ПВЛ, рассматривают отдельно рассказы о призвании варягов и о взятии Киева Игорем (Олегом). Однако аналогии в «топосном» развитии сюжета между летописью и европейскими *Origines* указывают на то, что оба эти рассказа тесно связаны между собой и составляют части единой по замыслу повести.

В самом деле, посмотрим на текст статьи 6362 г. НПЛ мл. с точки зрения композиционной взаимосвязи отдельных сюжетов. Несколько фраз в конце статьи об установлении даней Игорем, о женитьбе его на Ольге и рождении Святослава лишь развивают главное сообщение об утверждении князя в Киеве. В начале статьи отдельный сюжет составляет рассказ о Киеве и полянах, который заканчивается появлением Аскольда и Дира. Далее повествование, перемещаясь в другой «хроно-топ», как бы уходит в сторону и возвращается в Киев Аскольда и Дира после рассказа о призвании варягов. Сообщение о захвате Киева сплетает две распущенные в начале нити повествования и служит кульминационным пунктом всей статьи 6362 г. Таким образом, три «опорные точки» повествования — основание Киева, приглашение Рюрика с братьями, утверждение Игоря в Киеве — образуют своего рода композиционный каркас начальной части летописи, заключенной в НСв в рамках статьи 6362 г. В венчающем всю конструкцию торжественном заключении — «и оттоле (прочии) прозвашася русью, и седе Игорь княжа в Киеве» — находит логическое завершение все то, что было намечено рассказом до того и ожидается как его кульминация: говорится об окончательном имянаречении народа/государства (*gens*), о городе, которому было суждено стать центром этого государства, и о приходе династии, его возглавившей. В сущности, мы имеем дело с одной повестью, которую было бы правильно называть не «Сказанием о призвании варягов» (это только часть повести), а «Сказанием о происхождении Руси» или древнерусской *Origio gentis russorum*¹³⁴. С точки зрения фольклорно-

¹³³ Орлов А.С. Сказочные повести об Азове. «История» 7135 года. Варшава, 1906. С. 160 и сл.; Рыдзевская Е.А. К вопросу об устных преданиях. С. 176–178.

¹³⁴ Надо отметить, впервые понятие «origo gentis» применил к древнерусской «Начальной летописи» Я. Банашкевич еще в 1989 г. (*Banaszkiewicz J. Slavonic Origines Regni: Hero the Law-Giver and Founder of Monarchy (Introductory Survey of Problems)* // АРН. Wrocław etc., 1989. Т. 60). Однако он имел в виду ПВЛ (и, в частности, те места, которые читаются только в ней, — например, «Введение») и только один сюжет — вокняжение у полян Кия.

легендарной подоплеки этой повести бросается в глаза и определенная закономерность в использовании ее автором устных традиций. Если корни рассказа о «призвании варягов» — «северогерманские», то корни эпонимической легенды, которая излагается в части, посвященной основанию Киеву и полянам, несомненно славянские¹³⁵. Случайно или неслучайно, но такой параллелизм — рассказ о происхождении центра государства славянский, рассказ о происхождении династии «северогерманский» — подчеркивает и композицию всего *Origo gentis russorum* (два подхода, подготавливающие кульминацию), и исторический симбиоз разных традиций в этом государстве. Возможно, есть какая-то закономерность и в том, что сюжет третьей части этого текста — рассказа о захвате Киева — не обнаруживает каких-то однозначных и явных связей с той или иной фольклорной или литературной традицией.

В итоге, как мы видим, сопоставление с похожими произведениями помогает обнаружить логику летописного повествования. Если в других литературных традициях обнаруживаются похожие топосы, сюжеты и мотивы, то логично ожидать, что их определенное сочетание и в «Начальной летописи» не было случайно, а вытекало из единства замысла и формы. Содержательная связь рассказов об основании Киева, «призвании» варягов и захвате Киева Игорем, очевидно, ощущалась составителем НСв, который включил их все в одну годовую статью, и надо предполагать, что эти рассказы, связанные между собой сюжетно-образно и композиционно, восходят к некоему первоначальному летописному сочинению. Сказание в таком контексте — не центр и не самостоятельное произведение, а лишь элемент более обширной повести.

В проведенном исследовании акцент был сделан на текстологическом анализе. Важнейший вывод этого анализа состоит в признании текста, представленного списками ПВЛ, как вторичного по сравнению с текстом НПЛ мл. и восходящего напрямую к последнему. Этот вывод, подтверждающий главный тезис А.А. Шахматова об отражении в НПЛ мл. «Начального свода», опирается на сравнительный анализ текста на протяжении начальных известий вплоть до рассказа о захвате Киева Игорем (Олегом по ПВЛ). Предположительно вообще надо исходить из такого соотношения летописей с ПВЛ и НПЛ мл. вплоть до статьи 6523 г. с рассказом о смуте после смерти Владимира Свято-

¹³⁵См. последнее исследование этой легенды с учетом различий версий НСв и ПВЛ: *Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007, особенно с. 116–117, 167–168.

славича Святого. Если считать, что составитель ПВЛ опирался *именно и только* на тот текст, который мы видим сегодня в статье 6362 г., тем самым отпадает один из главных доводов в пользу того, что текст НСв дошел до нас в НПЛ мл. с существенными искажениями, главным образом, вследствие редакторской работы летописцев XII–XV вв., сверявших и правивших его по другим сводам с ПВЛ. В сущности, текст НПЛ мл. — это и есть текст НСв, который предшествовал ПВЛ и который был сильно переработан в ПВЛ.

Пока трудно говорить об этапах летописания, которые предшествовали самому НСв, хотя едва ли можно сомневаться в самом существовании этих этапов, потому что в тексте НПЛ мл. обнаруживаются явные перебои, разрывы и швы, которые можно объяснить только как следствие правки и дополнения некоего первоначального сочинения — как бы его ни называть: «Древнейший свод», «Сказание о русских князьях» и т. д. Но далеко не всегда такие перебои однозначно фиксируются, а главное, даже если они и заметны, очень трудно восстановить более ранний текст из-за отсутствия параллельных источников. Работа по восстановлению этого первоначального «ядра» «Начальной летописи» — чрезвычайно сложное и тонкое дело, которое требует применения методов разных дисциплин, и насколько вообще осуществима эта работа, покажет будущее. Но уже сегодня, в частности, благодаря настоящему исследованию, ясно, что более простая и осторожная реконструкция первоначального текста, предложенная Шахматовым в ранней статье «Сказание о призвании варягов», оказывается и более экономной и убедительной, чем сложные схемы эволюции текста от свода к своду, которые он предлагал позднее в знаменитой книге «Разыскания о древнейших русских летописных сводах».

Текстологический анализ заставляет пересмотреть принятые в историографии оценки Сказания с разных точек зрения. Ведь от того, какой характер тот или иной текст имел в качестве литературного произведения и в какой контекст был включен, во многом зависит и оценка тех фактических сведений, которые он содержит. Этот аспект был лишь затронут в данном исследовании, когда речь шла об аналогиях в сюжетах и топосах между Сказанием и теми сочинениями средневековой историографии, которые объединяют в жанр *Origo gentis*. Для меня эти аналогии были важны в данном случае для того, чтобы продемонстрировать органичность Сказания в контексте статьи НПЛ мл. 6362 г. и чтобы осмыслить его как часть более обширной повести, условно названной мной «*Origo gentis russorum*».

В то же время фиксация этих аналогий не должна вести к выводу, что все сведения этого текста сугубо легендарны и не отражают реальности. Напротив, мне представляется очевидным, что многое из этих сведений находит опору в исторических реалиях Восточной Европы IX–X вв., и в историографии об этом справедливо писалось. Главной целью данной работы было показать, что для исторических интерпретаций надо опираться в первую очередь на текст НПЛ мл., а не ПВЛ, и понимать его не изолированно, а как часть более обширного текстового фрагмента, законченного и единого в его замысле и литературном оформлении.

Именно с этой точки зрения (пожалуй, впервые в историографии последовательно развитой применительно к Сказанию) в статье НПЛ мл. был выделен текст, идейно-содержательно и сюжетно-композиционно связанный в цельное и законченное сочинение, частью которого было Сказание. В основных чертах это сочинение можно более или менее уверенно и надежно установить и в сохранившемся тексте НПЛ мл., хотя, на мой взгляд, более ясно его первоначальные контуры должны проступить после «чистки» этого текста от вторичных напластований на древнейшее «ядро» начального летописания. Сочинение это рассказывало об образовании народа и государства Руси с центром в Киеве и во главе с варяжской династией Рюриковичей. Оно состояло из трех частей: 1) ранняя история Киева и полян, 2) происхождение династии (собственно «призвание») и 3) – кульминационная часть — утверждение этой династии в Киеве. Содержание этого сочинения, некоторые его сюжетные ходы и идеи ставят его в ряд аналогичных произведений европейской историографии, которые объединяют в жанр *Origo gentis*.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова Т.В. Хроника Георгия Амата в древнерусских списках XIV–XVII вв. М., 2009.

Бахрушин С.В. [К вопросу о достоверности Начального свода] // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (научное наследие). М., 1987. С. 15–35.

Башенькин А.Н. Некоторые общие вопросы культуры восточных славян V–XIII вв. // *Культура Европейского Севера России.* Вологда, 1989. С. 3–21.

Башенькин А.Н. Культурно-исторические процессы в Молого-

Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 3. С. 3–29.

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Перевод В.В. Эрлихмана. СПб., 2001.

Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л., 1978.

Видукинд Корвейский. Деяния саксов / Перевод Г.Э. Санчука. М., 1975.

Вилкул Т.Л. Повесть временных лет и Хронограф // *Palaeoslavica*. 2007. Vol. XV, N 2. С. 56–116.

Гильда Премудрый. О погибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / Перевод, вступ. ст. и примеч. Н.Ю. Чехонадской. СПб., 2003.

Гиппиус А.А. Рекоша дружина Игоревы... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *RL*. 2001. Vol. 25, N 2. С. 147–181.

Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // *Вереница литер*. К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 56–96.

Гиппиус А.А. Новгород и Ладога в Повести временных лет // *У истоков русской государственности*. С. 213–220.

Гиппиус А.А. Рекоша дружина Игоревы... — 3. Ответ О.Б. Стреховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica*. 2009. Vol. XVII, N 2. С. 248–287.

Гиппиус А.А. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // *РЯНО*. 2010. № 2 (20). С. 143–199.

Гиппиус А.А. К хазарской дани // *ВЕДС XXIII: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза*. М., 2011. С. 49–55.

Гиральд Камбрийский (Уэльский). Топография Ирландии (отрывки из части III) // *Хроники длинноволосых королей* / Перевод с лат., статьи, сост. Н. Горелова. М., 2006. С. 221–240.

Горский А.А. Кривичи и полочане в IX–X вв. (Вопросы политической истории) // *ДГ*. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 50–63.

Горский А.А. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

Григорьев А.В. О славянских землях Хазарского каганата // *Сложные русские государственности*. С. 214–221.

Гринева Н.Н. Легенда о призвании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 31–43.

Гришаков В.В., Зеленов Ю.А. Муром VII–XI вв. Учебное пособие. Йошкар-Ола, 1990.

Грушевський М.С. История України-Руси. Київ, 1991 (репринт 3-го, испр. и доп. изд.: Київ, 1913; 1-е изд.: Львів, 1898). Т. I.

Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кри-вичей. М., 1990.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.

Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1989 (1-е изд.: СПб., 1816). Т. I.

Карпов А.Ю. Княгиня Ольга. М., 2009.

Кирпичников А.Н. «Сказание о призвании варягов». Легенда и действительность // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 22–23 декабря 1996 г. Мат-лы к чтению. СПб., 1996.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991 (1-е изд.: 1989 г.).

Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГ. 2000 г. М., 2003. С. 3–172.

Кузьмин А.Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 42–53.

Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.

Куник А.А. Несторово сказание о призвании Варяго-Руссов, объясняемое сказанием о призвании Англо-Саксов // Записки имп. Академии наук. СПб., 1864. Т. VI [Кн. I–II]. Приложение № 2: *Погодин М.[П.]* Г. Геденов и его система происхождения Варягов и Руси, [с замечаниями С. Геденова и А. Куника]. С. 58–64.

Ламбин Н.П. Источник летописного сказания о происхождении Руси // ЖМНП. 1873. Ч. CLXXIII, № 6. С. 225–263; № 7. С. 53–119.

Летописец Еллинский и Римский / Изд. О.В. Творогов. СПб., 1999. Т. 1: Текст; СПб., 2001. Т. 2: Комментарий и исследование.

Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

- Лихачев Д.С., Янин В.Л., Лурье Я.С.* Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей // ВИ. 1973. № 8. С. 194–203.
- Ловмянский Х.* Русь и норманны / Перевод М.Е. Бычковой; под ред. В.Т. Пашуто, В.Л. Янина, Е.А. Мельниковой. М., 1985 (перевод кн.: *Łowmiański H.* Zagadnienie roli Normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa 1957).
- Лукин П.В.* Сказание о варягах-мучениках в начальном летописании и Прологе: текстологический аспект // ДР. 2009. № 4 (38). С. 73–96.
- Макаров Н.А.* Вещь и славяне на Белом озере // *Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 188–198.
- Мельникова Е.А.* Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях летописцев XI — начала XII в. // ДГ. 2005 г.: Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008. С. 47–75.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 г. М., 1991. С. 219–229.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.
- Назаренко А.В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX — середина XIII в.): Состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. II, кн. 1: Киевская и Московская Русь. С. 261–308.
- Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.
- Орлов А.С.* Сказочные повести об Азове. «История» 7135 года. Варшава, 1906.
- Пархоменко В.А.* К вопросу о «норманском завоевании» и происхождении Руси // Историк-марксист. 1938. № 4. С. 106–111.
- [Повесть временных лет. Издали Х. Чеботарев и Н. Черепанов. М., 1804–1811] (листы невышедшего издания, которое готовилось Обществом истории и древностей российских в Москве; использовался экземпляр из библиотеки М.П. Погодина в Музее книги РГБ, шифр Н–373).
- Петрухин В.Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I (Древняя Русь). С. 13–410.

Петрухин В.Я. Как начиналась Начальная летопись? // ТОДРЛ. 2006. Т. 57. С. 33–41.

Петрухин В.Я. Становление государств и власть правителя в германо-скандинавских и славянских традициях: аспекты сравнительно-исторического анализа // *Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья*. М., 2009. С. 81–150.

Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. [М., 1846]. Т. III.

Потебня А.А. К истории звуков русского языка. Варшава, 1880. Т. II: *Этимологические и другие заметки*. (Из «Русского Филологического вестника», 1879).

Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996 (1-е изд.: 1940).

Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002 (1-е изд.: 1956).

Пчелов Е.В. Какую дань «имаху» «варязи изь заморья»? // ВЕДС XXIII: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011. С. 236–240.

Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

Рыдзевская Е.А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования). М., 1978. С. 159–236.

Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб., 1997.

Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.

Седов В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999.

Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. СПб., 2009 (Тр. Гос. Эрмитажа; Т. XLIX).

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1 // *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1988 (1-е изд.: 1851 г.). Кн. I.

Стефанович П.С. Как правильно читать: «по белеи веверици» или «по беле и веверици»? // Русь, Россия: средневековье и Новое время. Вторые Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Мат-лы к междунар. науч. конф. М., 2011. С. 12–16.

Стефанович П.С. Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // НИС. М.; СПб. 2011. Вып. 12 (22). С. 5–35.

Страхова О.Б. Рекоша дружина Игоревы... К статье А.А. Гиппиуса о лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Palaeoslavica*. 2008. Vol. XVI, N 2. С. 217–258.

Творогов О.В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. 1974. Т. XXVIII: Исследования по истории русской литературы XI–XVII вв. С. 99–113.

Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.

Творогов О.В. Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Т. XXX: Историческое повествование Древней Руси. С. 3–26.

Творогов О.В. Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2. С. 54–59.

Туандер К.Ф. Скандинавское переселенческое сказание // *Туандер К.[Ф.]* Датско-русские исследования. Пг., 1915. Вып. III (Зап. Историко-филологич. ф-та имп. Петроградского ун-та; СХХIII).

Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII — третья четверть X вв.). Харьков, 2006.

Тржешитик Д. Славянские этногенетические легенды и их идеологическая функция // Раннефеодальные славянские государства и народности (Проблемы идеологии и культуры). Sofia, 1991. С. 35–42.

У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрика Городища и Новгородской археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. Мат-лы междунар. науч. конф. 4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия. СПб., 2007.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987 (Археология СССР).

Флоря Б.Н. Представления об образовании государства и его основных функциях в русском и западно-славянском летописании // Раннефеодальные славянские государства и народности (Проблемы идеологии и культуры). Sofia, 1991. С. 33–53.

Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750–1200 / Перевод Д.М. Буланина и Н.Л. Лужецкой. СПб., 2000 (1-е изд. на англ. яз.: *Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus: 750–1200. L.; N.Y., 1996*).

Фроянов И.Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // ВИ. 1991. № 6. С. 3–15.

Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992.

Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. С. 343–351.

Цыб С.В. Хронология домонгольской Руси. Барнаул, 2003. Ч. 1: Киевский период.

Черепнин Л.В. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50–70-х годах // ИСССР. 1972. № 4. С. 46–64.

Шайкин А.А. Олег и Игорь в Новгородской первой летописи и «Повести временных лет» // ТОДРЛ. 2008. Т. LVIII. С. 607–626.

Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. I, кн. 1; СПб., 2003. Т. I, кн. 2.

Шахматов А.А. Начальный киевский летописный свод и его источники // Там же. Т. I, кн. 2. С. 175–184 (1-е изд.: 1900 г.).

Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003 (1-е изд.: 1904 г.). Т. I, кн. 2. С. 185–231.

Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. I, кн. 1 (1-е изд.: 1908 г.).

Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка Пг., 1915. (Энциклопедия славянской филологии; Вып. 11.1).

Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1. Вводн. часть. Текст. Примечания // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. I, кн. 2 (1-е изд.: 1916 г.). С. 527–977.

Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916. Ч. 1.

Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени // Шахматов А.А. История русского языка: Избранные произведения. М., 2004 (1-е изд.: 1919 г.). Кн. I. С. 3–60.

Шлёцер А.Л. Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные / Перевел Д. Языков. СПб., 1809. Ч. I; СПб., 1816. Ч. II (пер. с ориг. изд. на нем. яз. 1802 г.).

Щавелев А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.

Amatus of Montecassino. The History of the Normans / Transl. by P.N. Dunbar, revised with introd. and notes by G.A. Loud. Woodbridge, 2004.

Banaszkiewicz J. Podanie o Piaście i Popielu. Studium porównawcze nad wczesnośredniowiecznymi tradycjami dynastycznymi. Warszawa, 1986.

Banaszkiewicz J. Slavonic *Origines Regni: Hero the Law-Giver and Founder of Monarchy (Introductory Survey of Problems)* // APH. Wrocław, 1989. T. 60. P. 97–132.

Banaszkiewicz J. Polskie dzieje bajeczne mistrza Wincentego Kadłubka. Wrocław, 2002 (1-е изд.: 1998).

Chronica Monasterii Casinensis / Die Chronik von Montecassino / Hrg. von H. Hoffmann. Hannoverae, 1980 (MGH. Scriptores. T. XXXIV).

Curta F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge; New York, 2001 (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series).

Franklin S. Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers. N.S. 1982. Vol. XV. P. 1–27.

Giraldi Cambrensis Topographia Hibernica // Giraldi Cambrensis opera / Ed. by J.F. Dimock. L., 1867. Vol. V.

Goffart W. The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Princeton, 1988.

Kersken N. Geschichtsschreibung im Europa der «nationes». Nationalgeschichtliche Gesamtdarstellungen im Mittelalter. Köln, 1995.

Koptev A. The Story of “Chazar Tribute”: A Scandinavian Ritual Trick in the Russian *Primary Chronicle* // Scando-Slavica. 2010. Vol. 56, N 2. P. 189–212.

Legenda Christiani / Kristiánova Legenda. Život a umučení svatého Václava a jeho báby svaté Ludmily / K vydání připravil, přeložil a poznámkami opatřil J. Ludvíkovský. Praha, 1978.

Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997 / Éd. M. Kazanski, A. Nersessian et C. Zuckerman. P., 2000 (Réalités byzantines; 7).

Likhachev D.S. The Legend of the Calling-in of the Varangians, and Political Purposes in Russian Chronicle-writing from the Second Half of the XIth to the Beginning of the XIIth Century // Varangian Problems: Report on the First International Symposium on the Theme “The Eastern Connections

of the Nordic Peoples in the Viking Period and Early Middle Ages". Moesgaard — University of Aarhus, 7th–11th October 1968. Copenhagen, 1970. (Scando-Slavica. Supplementum I). P. 170–185.

Maciejowski W.A. Pierwotne dzieje Polski i Litwy zewnętrzne i wewnętrzne. Warszawa, 1846.

Plassmann A. *Origo gentis.* Identitäts- und Legitimitätsstiftung in früh- und hochmittelalterlichen Herkunftserzählungen. B., 2006.

Pritsak O. The Invitation to the Varangians // HUS. 1977. Vol. I, N 1. P. 7–22.

Reallexikon der germanischen Altertumskunde. B.; N.Y., 1968/73–2008. Bd. 1–35. 2 Registerbände.

Sorlin I. Les premières années byzantines du *Récit des temps passés* // Revue des études slaves. 1991. T. LXIII, fasc. 1: Rus' de Kiev et Russie Moscovite. Culture et société. P. 9–18.

Sorlin I. Voies commerciales, villes et peuplement de la *Rôsia* au X siècle d'après le *De administrando imperio* de Constantin Porphyrogénète // Les Centres Proto-urbains russes. P. 337–355.

Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. København, 1934 (Acta Jutlandica VI, Aarsskrift for Aarhus universitet; VI).

Trěštik D. Mýty kmene Čeceů (7.–10. století). Tři studie ke «Starým pověstem českým». Praha, 2003.

Widukindi monachi Corbeiensis Rerum gestarum Saxonicarum libri tres / Die Sachsengeschichte des Widukind von Korvei / Fünfte Auflage in Verbindung mit H.-E. Lohmann neu bearbeitet von P. Hirsch. Hannoverae, 1935 (MGH. Scriptorum. Bd. 60).

Wolfram H. *Origo et religio.* Ethnic traditions and literature in early medieval texts // Early Medieval Europe. 1994. Vol. 3, part I. P. 19–38.

РЕЗЮМЕ

Автор исследует текст «Сказания о призвании варягов» по древнейшим сохранившимся летописям, опираясь на теорию А.А. Шахматова, согласно которой в начале Новгородской 1-й летописи младшего извода отразился свод (так называемый «Начальный свод»), восходящий к 1090-м гг. и предшествующий «Повести временных лет», созданной в 1110-е гг. Автор приходит к выводу, что в этой летописи «Сказание» сохранилось в более древнем и исправном виде, чем в летописях, донесших до нас «Повесть временных лет». Он показывает,

как составитель «Повести временных лет» перерабатывал тот текст, который мы видим в Новгородской 1-й летописи младшего извода, изменяя хронологию, реконструируя ход событий согласно своим историческим представлениям, дополняя текст по новым источникам и т. д. Исследование контекста, в котором «Сказание» помещено в этой летописи, позволяет автору по-новому оценить содержание этого произведения древнейшей литературы Руси и обнаружить в нем аналогии сочинениям средневековой европейской историографии, известным под названием *Origo gentis* («происхождение народа»).

Ключевые слова: история Древней Руси, происхождение руси, варяги, древнерусские летописи, «Повесть временных лет».

ABSTRACT

The author explores the text of “The Legend of the Calling-in of the Varangians” in the oldest Russian chronicle codices. He relies on the idea (proposed once by A.A. Shakhmatov), which considers the first section of the First Novgorodian Chronicle of younger redaction as a compilation dating back to the 1090s and thus preceding the famous “Tale of By-Gone Years” (originated in the 1110s). The author concludes that the text of the “Legend” preserved in the Novgorodian Chronicle is older and more correct than that in the codices containing “The Tale of By-Gone Years”. He demonstrates how the compiler(s) of “The Tale of By-Gone Years” revised the text preserved in the Novgorodian Chronicle changing its chronology, revising the narrative, enriching it with additional data etc. He pays a special attention to the context of the “Legend” in the Novgorodian Chronicle and suggests a new understanding of its concept and content searching for analogies in medieval historiographical works of the genre *Origo gentis*.

Key words: Early Russian history, origins of Rus, Varangians, Old Russian chronicles, “the Tale of By-Gone Years”.